

Тала Артанже

— ДИЛОГИЯ —

ШПИЛЬКА

СЕМЕЙНАЯ САГА

Гала Артанже

Дилогия "ШПИЛЬКА"

<https://litres.ru/73171263>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга вошла в шорт лист конкурса детективов "Со слов очевидцев"-2026. Дилогия из двух книг «Шпилька. Дело Апреля» и «Ларец с двойным дном». Ироничный, уютный и слегка ядовитый детектив, в котором правда о прошлом прячется не в архивах, а под половицами и на дне сундука. Бывшая учительница литературы, она же — совладелица детективного агентства, чьё любопытство сильнее городских сплетен, а чутьё точнее любого теста на ЕГЭ, берётся распутать клубок семейных тайн. В результате раскрывается не только преступление, но и всплывает правда о семейных драмах, длящихся целое столетие.

Содержание

Дело апреля	4
Дежавю	16
Визит с подвохом	29
Время собирать камни	45
Под покровом тайны	60
Пикник на обочине тайны	74
Дела давно минувших лет	92
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Гала Артанже

Дилогия "ШПИЛЬКА"

Дело апреля

Понедельник в любом городе России явление капризное, с характером: тяжкий вздох отчаяния, недоуменный взгляд в календарь и немой вопрос к мирозданию: «Ну почему выходные так стремительно улечиваются?»

Но для Софьи Васильевны Волковой, совладелицы детективного агентства с хитроумным названием «Шпилька», первый день недели традиционно превращался в ленивый джаз. Как говаривал Бунин: «Покой и воля – вот о чем поет душа».

Бывшая учительница литературы, уйдя на пенсию, открыла агентство скорее для своего ученика Александра Данилина, чем для себя. Слово литературный редактор, правящий чужой, местами корявый текст, она вмешивалась в расследования лишь эпизодически из чистого любопытства и желания размять детективные косточки и мышцы, если дело пахло чем-то необычным.

В своей маленькой двухкомнатной квартирке в провинциальном городишке Энке Софья Васильевна восседала за кухонным столом, философски препарировав гречневую кашу.

Один глаз – на тарелку, другой – на традиционный утренний кроссворд. В ее годы, конечно, можно было позволить себе роскошный завтрак, например, булочку с корицей, но дисциплина фигуры, хоть и дремлющая, все еще изредка подавала признаки жизни. Хотя будем честны, фигура давно уже махнула рукой на изящество форм и ушла в самоволку на сытные хлеба.

Мирное уединение Софьи нарушил телефонный звонок.

– Софья Васильевна, у нас пожар! Срочное дело! – взволнованный голос ее помощницы Анны ворвался в тишину утра. – Я знаю, знаю, понедельник – ваш выходной, но Александр Николаевич уехал в Москву по делу писателя, а клиентка говорит, что у нее вопрос жизни и смерти!

Анна, как и полагается девушке ее возраста, фонтанировала энергией молодого вулкана. Ее мировоззрение сформировалось на сериалах, в которых главная героиня с правильно подобранной помадой непременно найдет ключ к счастью.

Софья вздохнула, отставив тарелку. «Клиент – это хорошо, – подумала она, – деньги за работу – еще лучше. Хотя боюсь, это очередная пенсионерка, потерявшая кота, или торговка, подозревающая соседа в краже мешка картошки с ее балкона».

Поворчав для приличия, она все же собралась и отправилась в областной центр Приславль, где и располагалось их агентство.

Клиентка оказалась ухоженной дамой средних лет с губами, как у бьюти-блогерш из молодежной соцсети.

«Нынче губы лепят, как пирожки в пекарне», – мелькнула мысль, но привычную усмешку Софья сдержала.

– Софья Васильевна? – Клиентка огляделась по сторонам – нет ли в углу скрытой камеры или пары оперативников в штатском. – Мне вас порекомендовали в салоне красоты «Шарм».

Ага, вот оно что! «Шарм» был тем местом, где можно услышать больше исповедей, чем в Ватикане. Пока клиенткам красили ногти или мазали лицо чудо-кремами, они вываливали свои самые сокровенные тайны. И, видимо, кто-то решил, что Софья Васильевна может помочь этой даме решить её проблему. Сама Софья, кстати, была VIP-клиенткой салона. Бесплатный пожизненный абонемент имелся у нее не за красивые глазки – заслужила своей первой детективной авантюрой, связанной с владелицей салона.

– Внимательно слушаю вас, – кивнула Софья, подперев подбородок рукой.

Кулак под подбородком помогал челюстям скрыть ленивый зевок, ведь Софья уже поняла, что проблемой, с которой нужно разобраться, будет развод, измена или семейное проклятие.

– Мой муж... мне кажется, у него кто-то есть, – начала клиентка, заламывая пальцы. – Он часто уходит вечерами, говорит: поздние встречи по работе... но я ему не верю!

Он стал другим, задумчивым, отстраненным... Я хочу знать правду!

Софья, как опытный читатель, предугадавший финал предсказуемого сюжета, лишь слегка повела бровью. Она слышала подобные истории столько раз, что могла бы и сама писать по ним романы и поставить их на поток. Однако клиент есть клиент. Надо вникать.

– Вам нужно имя любовницы? – уточнила она.

– Да! – кивнула клиентка. – Проследите за ним, пожалуйста. Мне важно знать, кто она и где живет.

– Хорошо, – ободряюще улыбнулась Софья и записала детали. – Но предупреждаю: правда иногда бывает хуже, чем самые страшные фантазии.

Клиентка напряженно кивнула. Что-то в этой женщине подсказывало Софье, что пахнет здесь не только изменой.

В тот же вечер Софья с биноклем и здоровой долей скептицизма сидела напротив ресторана «Волга» в своей недавно приобретенной выдавшей виды «Мазде». Именно сюда, по словам клиентки, ее благоверный время от времени наведывался после работы. Эти «плотные бизнес-ужины» наводили на мысль: либо мужчина решил стать профессиональным дегустатором, либо его аппетит совсем другого рода, а ресторан – просто место встречи.

Минут через десять из серебристого «Мерседеса» вышел объект слежки – высокий мужчина лет сорока пяти, ухоженный, с таким самодовольным выражением лица, словно вла-

дел он не только «Мерседесом», но и всем городом.

«Мэр – да и только!» – фыркнула Софья, открыла свой крохотный термос, глотнула остывшего кофе и приготовилась к наблюдению. Мужчина вошел в ресторан, а через пару минут за его столик присела... вовсе не молоденькая красotka. Женщина лет пятидесяти, с озабоченным видом. На роль любовницы она не годилась: ни флирта, ни кокетливых взглядов. Они что-то обсуждали, затем мужчина достал конверт и протянул собеседнице.

– Так-так, а вот это уже интересно, – пробормотала Софья и придвинула бинокль ближе к глазам.

Женщина взяла конверт, мельком заглянула в него и тут же спрятала в сумочку. Губы незнакомки шевельнулись так, что стало ясно: она высказала недовольство. Мужчина пожал плечами и что-то коротко ответил. Жаль, Софья не умела читать по губам – мечта стать сурдопереводчиком осталась в далекой юности.

А через минуту женщина, явно раздраженная, быстрым шагом вышла из ресторана, оставив своего «партнера» наедине с бокалом вина и в легком недоумении.

– Ну что, голубчик, кто это был? – задумчиво пробормотала Софья и защелкала камерой, не спуская глаз с незнакомки. – Или какой-то шантаж, или...?

Дело принимало любопытный оборот. И суть была не в любовной интрижке.

Софья завела машину и выехала на дорогу. Необходимо

выяснить, кто эта загадочная дама и что находится в том конверте... хотя... и дураку понятно что.

Слежка в ее возрасте казалась немного комичной: Софья чувствовала себя героиней дешевого шпионского фильма, но азарт брал свое. Дама села в темно-синий «Лексус», припаркованный невдалеке, и уверенно выехала на главную дорогу. Детектив прибавила газу, пытаясь не отстать.

– Ну, милая, давай посмотрим, куда тебя несет.

Каково же было удивление Софьи, когда «Лексус» направился в ее родной Энск. Через десять минут езды по городу машина свернула к элитному жилому комплексу. Софья обомлела, широко открыв рот.

– «Волжские просторы»... опять они, – протянула она с чувством легкого возбуждения, – Дежавю!

Этот комплекс уже фигурировал в ее расследованиях. Неужели все опять замыкается на тех, кто в нем живет?

«Лексус» остановился. Женщина вышла из машины. Софья вынула телефон из кармана, увеличила масштаб... что-то в лице дамы показалось знакомым, что-то едва уловимое и ускользающее. Не оглядываясь, женщина направилась к центральному из семи пентхаусов «Волжских просторов». Софья пристроила «Мазду» на парковке напротив подъезда, открыла капот, склонилась с видом, будто чинит что-то. Пока она ломала голову, как выудить информацию, дверь распахнулась, и навстречу даме вышел высокий мужчина с длинными седыми волосами. Художник Арсеньев! Тот са-

мый импозантный тип, с которым Софья пересекалась по делу о трупе на парковке. В глубине Софьиной души, уже забывшей чувственные позывы, пробудились слабые нотки волнения...

Да, чутье у Софьи уже не просто ёкало, а било в набат: в этой истории все будет гораздо запутаннее – за первым слоем тумана скрываются еще несколько.

Незнакомка и художник поздоровались. Софья включила лазерный подслушивающий аппаратик, подаренный самой себе на 8 Марта, и напрягла слух.

– Ты не должна была сюда приезжать. Все уже давно решено. Это дело прошлого.

– Нет, не решено! – резко ответила женщина. – Она должна узнать правду...

Художник нервно оглянулся:

– Я же предупреждал, лучше бы никто не знал, что ты на свободе...

Дальше услышать не удалось: они вошли внутрь, и дверь захлопнулась.

– Ну, теперь окончательно ясно, что дело темное, – пробормотала Софья. – Пора узнать, что скрывают эти «Волжские просторы» и кому выгодно молчание...

Возвращаться в офис Софья не стала, а направилась в свою квартиру неподалеку от «Волжских просторов». Её с трудом можно было сравнить с офисом, но Софья любила работать дома: здесь пахло кофе, геранью и оптимизмом, по-

рой безнадёжным.

Анна уже вернулась из «Шпильки». Она поджидала хозяйку квартиры, как котенок, нахально устроившийся на теплом пледе и всем своим видом демонстрирующий: «Я тут всегда был, и все меня любят». И хотя Анна не была кошкой, приручить её стало задачей не из лёгких. Бывшая воспитанница детдома, сбежавшая в Москву за легкими деньгами, оказалась в ловушке собственного таланта попадать в неприятности. Когда в подворотне старого московского двора двое подвыпивших типов пытались затащить ее в развалюху «Ниву», Александр Данилин, оказавшийся в Москве по очередному делу, вмешался без лишних раздумий. Он буквально вырвал девочку из лап тех типов, явно затеявших что-то недоброе. А так как жить сиротинке было негде, Данилин, не очень понимая зачем, привез ее в Приславль и со смущенным видом спихнул Анну Софье Васильевне. Софья, хотя и удивилась, но приютила девушку у себя. Не то чтобы из великодушия, у нее было два серьезных повода: во-первых, Анна сочетала в себе обаятельную бесшабашность, наивность и врожденную склонность быть благодарной за каждый, даже самый мелкий добрый поступок; а во-вторых, не имея своих детей, Софье не терпелось понять, как на таком хрупком основании без какой-либо базы строится жизнь неприспособленного существа. Они уживались как мудрая бабушка и внучка, довольствующаяся пока только бесплатным ужином и работой на побегушках в детективном агентстве.

Знаток литературы и театральных пьес, Софья всегда считала, что настоящее расследование – это не только набор логических умозаключений, но и целый театр абсурда, где каждый герой играет свою, порой совершенно неожиданную роль. Чеховские «Записные книжки» могли бы позавидовать сюжету, который разворачивался прямо сейчас.

Она уселась перед своим древним компьютером. Эта машина видела столько всего, что при включении тихонько вздыхала, просясь на покой.

– Ну что, старина, – обратилась к компьютеру Софья, – покажешь мне правду или будешь капризничать? Послужи еще немного во благо расследования, и я обещаю тебе скорый отдых на заслуженной пенсии.

Экран пару раз неуверенно моргнул, но решил, что сопротивляться бесполезно, и, наконец, засветился. Софья хрустнула пальцами и приступила к главному ритуалу современного детектива – поиску информации в интернете.

Первым делом вбила имя мужа клиентки. Зотов Вячеслав Федорович. Стандартный набор: бизнес в отрасли машиностроения областной столицы – Приславле, недвижимость, парочка старых интервью, где Зотов с умным видом рассуждал о перспективах инвестирования.

Текст биографии был настолько шаблонным, что, казалось, скопировали его из книги «Успешные предприниматели», незначительно поменяв «ингредиенты» этого, на скорую руку сваренного, «борща».

Но ничего подозрительного Софья не нашла.

Пока она копалась в ссылках, за спиной возникла Анна с чашкой чая в руках. Девушка заглянула в экран через плечо своей покровительницы, и на лице просиял такой же восторг, как и в прошлую субботу от красочной коробки «Рафаэлло» с вожделенными конфетками.

– О, поезд тронулся! Ой, а это кто? Солидный мужчина!

– Это муж нашей клиентки, – задумчиво пояснила Софья.

– И он подозрительно чист и безупречен, как свежевости-
ранный носовой платок. А в литературе, как и в жизни, безупречность – первый признак тщательно скрываемой тайны.

– Да-а, разве такие мужья бывают? Может, у него все-таки любовница? И не одна?

– Нет, Аня, я же говорила – дело здесь сложнее. Смотри,

– Софья ткнула пальцем в экран, – вот его биография. Все гладко, но он почему-то исчез из публичного пространства лет десять назад. Раньше интервью давал, статьи про него писали, а потом – бац! – и тишина. Только сухие упоминания о бизнесе.

Анна поморщила свой любопытный курносый носик.

– Может, скелеты в шкафу?

– Еще какие! – кивнула Софья. – Там, наверное, не шкаф, а целый мавзолей с торжественным караулом у входа.

Она открыла вкладку с архивами местных газет. И буквально через пару минут нашла то, что искала.

– Ну здравствуй, тайна! – Софья придвинулась к экрану

еще ближе. – Смотри, Аннушка, вот и нужная нам статья.

Найденная в архиве местной газеты статья десятилетней давности была коротка, но многозначительна. В ней сообщалось о скандале в семье влиятельного предпринимателя: внебрачный ребенок, пятнадцать лет дочери, ни слова о матери.

– Вот она, канва будущего романа! У Чехова были бы все основания позавидовать такому сюжету. Даже кто мать не указано. Только факт, что имя Зотова всплыло в судебных разбирательствах по установлению отцовства. А потом всё замяли.

Анна присвистнула.

– Ого! И вы думаете, эта женщина из ресторана – та самая мать?

– Вполне возможно, – кивнула Софья.

– То есть... этот мужик прячет ребенка от жены? И просто откупается от матери?

– Боюсь, мы имеем дело не с банальной изменой, а с чем-то гораздо более сложным. Семейная тайна как айсберг: то, что мы видим на поверхности, – лишь крошечная часть. Кстати, а «ребенок» уже постарше тебя будет.

Разумеется, женщина из ресторана была неслучайной собеседницей Зотова. А такой весь импозантный из себя художник Арсеньев только усиливал интригу. А фраза незнакомки «Она должна узнать правду» звучала как ремарка из пьесы, где главный конфликт еще только намечался.

– Что дальше, шеф? – Анна подалась вперед, ее глаза го-

рели нетерпением. – Объявим клиентке, что муж ей верен? Или будем копать дальше?

В глазах Софьи заплясали озорные огоньки жажды расследования.

– А дальше, мой юный копатель, – торжественно провозгласила она, – начинается самое интересное. Нам нужно выяснить, кто эта таинственная женщина. И кто та дочь, которой, возможно, до сих пор неизвестна горькая семейная правда. Как говорится, «все смешалось в доме Облонских» – а у нас, похоже, все запуталось в «Волжских просторах». И я же до сих пор так и не вычислила, почему этот чёртов дорожный комплекс построен в нашей дыре. Видимо, пришло время заняться и этим...

И словно в подтверждение ее слов, за окном второго этажа промелькнула тень – то ли случайность, то ли птица пролетела, то ли облако спустилось, то ли первый намек на грядущие события...

Дежавю

Ночь, спустившаяся на Энск, размазала по улицам кляксы теней и бликов, превратив городок в сюрреалистическую картину художника-авангардиста.

В квартире Софьи царил полумрак. Торшер тускло освещал книжный шкаф. На полках в беспорядке теснились томики классиков, детективы в мягких обложках и потрепанный справочник по криминалистике. На журнальном столике сиротливо стояла кружка с остывшим чаем.

Позабыв про сон и чай, Софья не могла оторваться от экрана монитора. Она пристально разглядывала фотографии незнакомки.

– «Что в имени тебе моем? Оно умрет, как шум печальный...» – процитировала она Пушкина и вздохнула. – А нам бы сейчас не умирать, а опознать эту особу.

Лицо женщины казалось знакомым. И Софья видела его где-то совсем недавно. Но где? И когда? Воспоминания вспыхивали мутными образами, но тут же ускользали, как сцены из старого кинофильма, когда не можешь вспомнить, чем он закончился.

– Нет, ну склероз, конечно, еще не стучится в мою дверь, но звоночки уже подает! Пора принимать меры, пока я не начала путать Достоевского с Донцовой, – усмехнулась Софья и оглянулась.

Анна, укрытая пледом, мирно посапывала на диване. Софья старалась не шуметь: безмятежная молодость нуждается в отдыхе, особенно когда рядом такая энергичная старость.

– Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей... – продолжала Софья свои литературные изыскания, листая одно фото за другим. – Но в нашем случае, чтобы раскопать правду, нужно понять, кого любила эта женщина! Зотова? Арсеньева? Или кого-то еще, о ком мы даже не подозреваем?

Вдруг в голове что-то щелкнуло и вспыхнула лампочка озарения.

– Светлана! – воскликнула Софья, звонко хлопнув себя по лбу. – Да как же я сразу не догадалась?

Найти информацию в интернете о Светлане, владелице салона красоты «Шарм», оказалось парой пустяков. Публичные фотографии подтвердили догадку: тот же овал лица, тот же разрез глаз, только королева шарма на пару десятков лет моложе незнакомки, без усталых следов жизненного опыта на лице.

– Ну, здравствуй, Светочка, – прошептала Софья. – Неужели ты и есть тот самый «скелет в шкафу» нашего бизнесмена? Какая у тебя девичья фамилия? Дай-ка вспомнить... Сухорукова! Все-таки память мне пока еще не изменяет. Если папочка Зотов, значит, фамилия Сухорукова по матери. Значит, таинственная незнакомка тоже Сухорукова. Лиха беда начало, полдела откачала! – Софья самодовольно

потерла руки.

Она откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Картина складывалась. Бизнесмен, брошенная любовница, внебрачный ребенок, тайна, которую скрывают долгие годы. Скрывают не только от общественности, но и от самой Светланы. Но кто угрожает её матери, если приходится утаивать, что та «на свободе»? Значит, мать была в местах не столь отдаленных... Интересная заварушка.

Но оставалась непонятной роль Арсеньева.

* * *

Утром Софья, наполненная планами, явилась в агентство. Александр Данилин, совладелец «Шпильки», уже был на месте и демонстрировал готовность к любым действиям по указанию своей бывшей учительницы: будто уже вставил монетку в кофе-автомат и теперь обязан выпить напиток, даже если там вместо кофе окажется тёплая бурда.

– Софья Васильевна, доброе утро! – бодро воскликнул он, лучезарно улыбаясь, – Я готов к новым свершениям!

Да, Александр был молод, энергичен и искренне верил в торжество справедливости. Иногда, правда, он был наивен, как ребенок, но Софья ценила его юношеский энтузиазм.

– Здравствуй, Сашенька, – приветливо кивнула она. – Как съездил в Москву? Отстоял интересы нашего писателя?

– Да, все в порядке, Софья Васильевна. Но без личного присутствия решить вопрос было бы нелегко.

– Молодец! А у меня для тебя припасена интересная за-

дача. Нас ждут свершения, Саша!

Она рассказала Александру о слежке и подозрениях насчет Светланы.

– Так вы думаете, владелица «Шарма» – внебрачная дочь мужа нашей клиентки? – удивился Александр. – Это же жена Емельянова, подозреваемого по делу трупа на парковке «Волжских просторов».

– Какая, однако, феноменальная память! – без своих традиционных шпилек Софья не могла начать утро. – Именно так, Саша. Но самое интересное, дружок, от Светланы почему-то скрывают какую-то тайну. Не думаю, что имя родителя: она была уже большенькой девочкой, когда устанавливали отцовство, запомнила бы, даже если папаша не участвовал в воспитании. И кто-то, возможно, угрожает ее матери, а может, и Светлане.

Александр нахмурился.

– Угрожают? Кому может понадобиться угрожать владелице парихмахерской, пусть даже и с вычурным названием?

– Ты недооцениваешь мир красоты, Саша, – усмехнулась Софья. – Там такие страсти кипят, что и Шекспиру не снилось. Но дело здесь явно не в солярии и не в ботоксе.

– И что будем делать? – глаза Александра загорелись энтузиазмом.

– Во-первых, пробей «Лексус». Затем – художника. Выясни все о его прошлом и связях.

– Так мы же выясняли это ранее. Ничего криминального

не нашли.

– А ты, Саша, не криминальное прошлое ищи, а его светскую жизнь в Москве в молодые годы. Он был весьма одаренным художником и до сих пор востребован, считается модным. Выясни, где учился, с кем общался, какие тайны скрывает его божественная душа, – напутствовала Софья. – Нам нужна вся его биография от первого штриха до последнего мазка. А я тем временем навещу Светлану в «Шарме». Возможно, удастся выудить полезную информацию. Ты привык в своих полицейских органах брать все нахрапом, а с ней надо аккуратненько, деликатно. Она и так дёрганная, как пойманная в сеть рыба. Один неверный шаг, и может запаниковать. А наша задача – незаметно подкопаться под корни этой истории.

Через час Софья Васильевна сидела в кресле салона «Шарм», доверив свои ногти рукам молодой маникюрши.

Светлана лично поприветствовала VIP-клиентку – этикет обязывает.

– Софья Васильевна, как всегда, рады вас видеть, – натянуто улыбнулась она. – Что-нибудь новенькое попробуем? Хотя я даже и не знаю, чем вас еще удивить: своей преданностью салону вы затмили всех наших постоянных клиенток, – с милой улыбкой съязвила королева «Шарма», намекая на злоупотребление Софьей дармовым VIP-абонементом.

– Что-нибудь эдакое, – Софья лукаво взглянула на Светлану, – чтобы соответствовало моему детективному настро-

ению.

Пока маникюрша колдовала над ее пальчиками, Софья завела непринужденный разговор.

– Светочка, знаешь, что расследуем сейчас? – как бы между делом спросила она, рассматривая пузырьки с разноцветными лаками. – Семейная тайна. Страсти, интриги... «Санта-Барбара» отдыхает.

Светлана сохраняла невозмутимость. А Софья рассматривала хозяйку салона с неподдельным интересом, словно в первый раз ее увидела: да! сходство с таинственной незнакомкой не только налицо, но и на все прочее, даже в повороте головы улавливались жесты дамы из «Лексуса».

– Да ну? И что же там такого интересного? – любопытствовала Светлана. – «Санта Барьяру» я не смотрела – этот сериал из другого времени и для другого поколения.

– Ну, Светочка, все как всегда: муж изменяет жене и, оказывается, у него есть внебрачная дочь. Представляешь?

Софья наблюдала за реакцией Светланы. Та даже бровью не повела и промолчала.

– И самое интересное, – продолжила Софья, – от этого ребенка почему-то скрывают не только существование отца, но и какую-то темную тайну матери. Будто боятся чего-то.

Ресницы Светланы слегка дрогнули. А может, и нет... просто показалось Софье.

– Мало ли что в жизни бывает, – безразлично произнесла хозяйка салона.

– Бывает, конечно. Но что-то мне подсказывает: дело нечисто. И замешан в этом, похоже, не только папаша-изменщик.

Светлана поднялась с кресла, намекнув этим, что знак внимания VIP-клиентке оказан в достаточной мере.

– Софья Васильевна, у нас новая коллекция лаков для ногтей. Рекомендую «Волжские закаты», интересные переливы цветов.

– Нет, Светочка, «Волжские закаты» мне сегодня не по вкусу, – хитро улыбнулась «виповая» клиентка. – Сегодня я выбираю «Волжские просторы».

С этими словами она встряхнула пальчиками, встала и направилась к выходу.

– До свидания, Светлана. И помни, деточка, все тайное становится явным. Однажды ты уже убедилась в этом.

* * *

Город Приславль хотя и был областным центром, но большим размером не славился, и через десять минут Софья оказалась в «Шпильке».

– Саша, как успехи?

– А вот угадайте, кому принадлежит «Лексус», Софья Васильевна!

– Да задачка-то не из трудных, скорее всего с двумя неизвестными, одно из которых Зотов, другое – Арсеньев. Если автомобиль принадлежит нашей незнакомке, ты не задавал бы такой вопрос, а обрадовал бы меня ее фамилией.

– Вот вы какая, Софья Васильевна! Да, машинка зарегистрирована на Арсеньева Василия Ивановича. А дальше еще интереснее. Тут такое... – продолжил Александр взволнованным голосом. – Арсеньев, оказывается, не просто художник в нашем деле. Скорее всего, не Зотов, а он – отец Светланы. Я нашел их совместное фото. В архиве художественной галереи. Обзор его персональной выставки. Он зрелый мужчина в белом костюме с бабочкой, а она такая юная, стройная в длинном черном платье и с жемчугом на шее. Знаменитый отец и восторгающаяся им дочь. Но странно, что супруга в этой семейной идиллии отсутствовала.

Софья усмехнулась.

– В каком году была выставка?

– Вот, блин! – Саша почесал затылок. – Скорее всего, год не подписан, иначе я запомнил бы. Но фото старое! Сейчас поищу страничку архива.

Софья присела у компьютера Александра.

– Сашенька, ты свои мозги в редакции газеты, что ли, потерял, когда права писателя отстаивал? Включи свое серое вещество: события примерно двадцатилетней давности, Арсеньеву здесь не более пятидесяти, а Светлана тогда в детский садик еще ходила. Вероятно, на фото ее мать.

Александр вспыхнул, как только что зажженный олимпийский огонь.

– Ох, Софья Васильевна, правда ваша! Перевозбудился... Но, черт, как похожи! Одно лицо с Емельяновой.

– С Емельяновой-Сухоруковой, Сашенька. А художник-то у нас Арсеньев. Что-то здесь не совпадает. И если художник связан родством со Светланой, то, скорее всего, он ее дед, а не отец. Думай, Саша, думай! Арсеньеву около семидесяти, Светлане чуть больше двадцати пяти... вот ведь... забыла год ее рождения, а ведь знала... Здравствуй, дедушка-склероз!

– Сухоруковой? Кажется, я уже слышал эту фамилию от вас... – Саша на мгновение задумался, взглянул на Софью и обиженно произнес, – Постойте, но вы же тогда говорили о пропавшей родственнице своей московской приятельницы... Софья Васильевна, вы меня водили за нос! Вы проверяли какую-то свою версию и скрыли от меня. Вот вы какая, Софья Васильевна! Так и тянете одеяло на себя. Ладно – это было тогда! Но сейчас мы партнеры, и я хотел бы знать о ваших планах, иначе чувствую себя мальчиком для битья.

– Мальчиком для битья? Ну нет, Александр Николаевич! Это скорее я... – Софья запнулась, раздумывая, стоит ли ворошить прошлое или оставить его пылиться в темном углу памяти. – Большую для меня тему ты сейчас поднял, Саша... Пока Аннушка бегает налоги оплачивает, давай-ка сядем рядком да поговорим ладком. Может, сниму груз с души... Завари-ка нам чайку, а я варенье достану. Грецкие орехи, между прочим. Умиротворяют, знаешь ли.

Александр, как примерный ученик, тут же послушно отправился к электрочайнику. Софья тем временем вынула из

нижнего ящика стола заветную баночку.

«Сладкое лекарство от горьких воспоминаний», – подумала она усмехнувшись.

– Саша... то тело на парковке... это действительно был несчастный случай: женщина оступилась в процессе эмоциональной ссоры. Но никакая она не актриса и подпольная студия здесь ни при чем... – Софья выдохнула, словно выпустила из клетки птицу. – Я долго молчала, но теперь пришло время рассказать тебе правду.

Александр вернулся с двумя дымящимися чашками. Поставив одну перед Софьей, он придвинул стул и уселся напротив. В его взгляде читалось нетерпение.

– Вы докопались до всех событий того вечера? Я и не сомневался, Софья Васильевна.

– Да, Саша, я знаю участников ссоры... Но я не полицейский, не следователь и руку на кодексе чести и профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел не держала, не клялась перед законом блюсти его. Как детектив, пусть даже самозванный, я вошла в положение своего клиента. Да, я вынесла из дела свой профит... Мне хорошо заплатили за молчание... Прошло уже семь месяцев, но душа у меня все еще неспокойна... – Софья вздохнула и прикрыла глаза.

Александр вскочил, загремев стулом.

– Софья Васильевна... конечно, я понимаю, что все это: и офис, и оборудование, и ваша «Мазда» свалились на вас не с небес. Не такой уж я наивный. И про порнодельцов... пьесу

вы разыграли как по нотам, вот полковник за нее и зацепился... В принципе все и без вас понимали – травма была получена в результате падения, но не смогли установить место происшествия... ну, а то, что это случилось не на парковке, было ясно изначально – инсценировка. Всем хотелось поскорее закрыть дело, обойтись без всяка... а тут вы со своими двумя детально описанными версиями. Все и срослось!

Софья отхлебнула чай и посмотрела на Александра поверх очков.

– И что ты думаешь обо мне, Саша? – В ее голосе прозвучала легкая тревога.

Александр замер, словно его застали врасплох. Затем, как тигр в клетке, начал мерить шагами кабинет.

– Что я думаю? Вы Мастер, Софья Васильевна, а я ваш подмастерье. – Александр остановился и посмотрел на свою бывшую учительницу с искренним восхищением. – Да, соблюдение договора с клиентом и отстаивание его интересов – обязанность детектива, но... если дело вдруг повернется так, что клиент совершил тяжкое преступление, то мы должны сообщить в органы. Но в том случае на парковке не было же ничего особо тяжкого, ведь правда?

– Ты не ответил, Саша. Конкретно про меня в той ситуации. Про мастера и подмастерье, генерала и адъютанта я слышала и раньше. Сейчас я спросила, что ты думаешь обо мне, когда тебе раскрылся источник всех этих благ. – Софья выжидающе смотрела на Александра.

– Вы не проходили свидетелем по делу, то есть не давали заведомо ложных показаний. Вы лишь выдвинули свою версию. И на служебном посту вы не были, не являлись должностным лицом, а значит, и взяткой ваше вознаграждение не назовешь. Вас отблагодарили. Никого вы не грабили. Но... надеюсь, в дальнейшем со всех благодарностей от клиентов мы будем добросовестно выплачивать налоги в казну государства. И тогда можно спать со спокойной совестью. – Александр подошел к Софье и робко приобнял ее. – Вы мне как мать, Софья Васильевна...

Улыбнувшись, Софья похлопала Александра по спине.

– Ну вот и хорошо, Саша. Хотя... я не беленькая – пушистенькая, и в той ситуации был шантаж с моей стороны и утаивание от следствия известных мне фактов. Женщина – слабая натура, Саша... не устояла я... соблазнилась роскошью и легкой добычей. Но главное... мне хотелось самой наказать участников событий, поступивших так мерзко с пострадавшей девушкой. Мерзко! Но, знаешь, они нашли бы возможность обойти закон и откупиться, если полиция вышла бы на верный след... А так их откупные пошли хотя бы частично на благо... Вот теперь ты знаешь все.

– И ежемесячные отчисления в детский дом из того же источника?

– Саша, это капля в море. Скромная благотворительность нашего агенства... детишкам на конфеты к чаю. Видишь же, Анна до сих пор ими налопаться всласть не может, навер-

стывает упущенное в детстве. Кстати, пострадавшая женщина воспитывалась в том детском доме.

Софья вздохнула и задумалась.

– А сейчас за работу, коллега. У нас впереди много интересного. Давай-ка снова поднимем данные по Емельяновой Светлане Алексеевне. Ты же помнишь, она в Москве на юриста училась. Теперь пробей ее родителей Сухоруковых. Понятно, в случае отсутствия данных отца в свидетельстве о рождении, отчество могло быть и от фонаря... Но на мать-то можно выйти. Светлану пока расспрашивать не будем. Там какая-то тайна...

...Вечером, вернувшись в Энск, Софья кинула взгляд на «Волжские просторы», возвышавшиеся над городом неприступной крепостью.

«Тайны, интриги, угрозы... И все это с видом на Волгу, – подумала она, потирая ладони. – Похоже, нам предстоит разворошить не только семейный шкаф, но и целый осиный улей, поселившийся в нём. И кто знает, что вылетит из него на этот раз...»

Она поднялась в свою квартиру. Усталость сменилась азартом – впереди ждало новое расследование. В конце концов, жизнь без загадок, как детектив без убийства. А Софья Васильевна Волкова любила загадки. Особенно те, которые скрывали темные тайны прошлого.

Визит с подвохом

Утро в Энске выдалось на редкость солнечным. После ночного дождя лучи, пробиваясь сквозь дымку над Волгой, золотили купола собора и отражались в окнах пентхаусов, словно природа решила устроить парад блесков специально для местной элиты.

Софья Васильевна, как актриса перед премьерой, тщательно готовилась перед зеркалом к встрече с художником Арсеньевым. Накануне она созвонилась с ним, разыграв партию восхищенной искусством дамы, желающей приобрести небольшую картину с волжским пейзажем.

– Вся жизнь – театр, а люди в нем – актеры... – бормотала она, подкрашивая губы помадой цвета спелой вишни. – Главное, не переиграть и не выдать себя раньше времени. Станиславский бы мне поверил.

Наряд Софья Васильевна выбрала с расчетом произвести впечатление женщины со вкусом, но без претензий на роскошь: элегантное платье оттенка топленого молока, легкое пальто и туфли на невысоком каблуке. В сумочке, кроме обычного женского арсенала, притаилась миниатюрная видеокамера – верная подруга любого уважающего себя детектива. С таким набором Софья чувствовала себя агентом 007 в юбке, только вместо маргини она предпочитала красное вино.

Когда Софья нажала кнопку на домофоне, сердце заби-лось чаще, будто она не детектив, а старшекласница на пер-вом свидании.

«Что это со мной? Соберись, тряпка!» – мысленно одер-нула она себя и поправила и без того аккуратную прическу.

Дверь открылась, и перед Софьей предстал седовласый художник в золотистой атласной рубашке и коричневых вельветовых брюках. Одежда, на этот раз опрятная, выгля-дела как из рекламы итальянской моды. Во взгляде художни-ка сквозила особая меланхолия, так привлекающей женщин определенного возраста и опыта.

«Боже мой, какой же он! Настоящий Микеле Плачидо волжского разлива! Представляю, как он кружил головы женщинам лет так ...надцать назад», – пронеслось в голове Софьи, пока губы по-актерски растягивались в очарователь-ную улыбку.

– Софья Васильевна! Рад видеть вас в моей скромной оби-тели! – Арсеньев изящно поклонился, словно встречал не потенциальную покупательницу, а по меньшей мере герцо-гиню. – Даже и не надеялся, что судьба снова подарит мне удовольствие лицезреть вас в этих стенах.

– И мне приятно видеть вас, Василий Иванович! – Со-фья одарила художника очередной улыбкой, способной, как она думала, растопить льды Антарктиды. – А заодно полю-боваться вашими работами. Они снились мне после нашей первой встречи, представляете?

Лицо художника просияло. Жестом радушного хозяина Арсеньев пригласил Софью в квартиру. Они вошли в просторную гостиную.

– Здесь действительно есть на что посмотреть, – искренне восхитилась Софья, скользя взглядом по картинам на стенах.

Пейзажи на полотнах сменяли друг друга, перетекая из зимней стужи в летний зной; а на натюрмортах яблоки и груши соседствовали с виноградом, будто только что сорванным с лозы; с портретов смотрели люди, незнакомые Софье, но выписанные настолько выразительно, что казалось, они хотели заговорить с ней. В каждой работе чувствовалось не только мастерство, но и особый, почти осязаемый Софьей взгляд художника на мир.

– Ваши работы – просто волшебство! У вас острый глаз ястреба и точная рука хирурга, – продолжила Софья комплименты, застыв перед картиной с изображением зимней Волги. – Нелегкий выбор для дилетанта вроде меня!

Восхищение Софьи не было игрой. Картины завораживали: волжские пейзажи дышали жизнью, и казалось, вот-вот подует ветер и зашелестят нарисованные листья.

– Надеюсь, вы найдете что-нибудь по своему вкусу. – Арсеньев, явно польщенный, наблюдал за реакцией гостыи. – А пока позвольте предложить вам бокал вина. У меня есть кое-что из старых запасов – берегу для особых гостей.

– Вино – прекрасная идея, – согласилась она с игривой искрой в глазах. – Но только после осмотра ваших работ. Иначе

боюсь, моя оценка может оказаться чересчур... восторженной.

– В таком случае не смею возражать, – засмеялся художник. – Тогда пройдем в мастерскую? Там вы сможете увидеть мои последние безобразия. По старой театральной традиции я называю так свои наброски.

– У вас есть связи с театром? – заинтересовалась Софья, следуя за хозяином в просторную мастерскую.

– Скажем так, театр оставил в моей жизни глубокий след, – уклончиво ответил Арсеньев. – Вот мой маленький храм искусства.

Она с любопытством осмотрелась. В мастерской царил творческий беспорядок, какой любят изображать в фильмах о гениальных художниках: холсты, краски, кисти, эскизы разбросаны хаотично, тем не менее, создается ощущение жилого пространства, а не заброшенного склада.

– Минуточку! – воскликнул Василий Ианович, словно вспомнил что-то важное. – Хочу предложить взглянуть на свеженькую работу, никому еще ее не показывал. Использовал в ней новую технику, подсмотренную у итальянцев во время последней поездки.

Пока Арсеньев отвлекся на поиски нужного полотна, Софья, как опытный разведчик на вражеской территории, бегло осмотрела комнату в поисках места для своей маленькой камеры-шпионки. Взгляд упал на небольшой шкафчик с книгами и сувенирами.

«Идеальное место! Отсюда хорошо просматривается вся комната», – она уже прикидывала, как незаметно установить камеру.

– Что скажете насчет этого пейзажа? – художник протянул Софье картину с изображением волжского заката с переливами всех оттенков алого и золотого. – «Весенняя заря».

– Прекрасно! – Софья восхищенно разглядывала игру света на холсте. – Но мне хотелось бы чего-нибудь более... живого. Эдакого буйства красок. С видом на Волгу. И чтобы чувствовалось дыхание реки.

– В таком случае, прежде чем продолжим, – Арсеньев отставил картину в сторону, – позвольте все-таки предложить вам бокал вина. Я вижу, вы несколько напряжены. А у меня есть прекрасное французское Château Margaux. Вы же не за рулем?

– Нет, я проживаю в пятнадцати минутах ходьбы от «Волжских просторов», – улыбнулась Софья. – Хорошо, если только совсем немного. Для поддержания атмосферы. Говорят, многие великие сделки в мире искусства заключаются именно за бокалом хорошего вина.

– О, если бы вы знали, сколько полотен находило своих владельцев после третьего бокала, – засмеялся Арсеньев. – Сейчас вернусь.

Как только художник скрылся, Софья шустро вынула из сумочки миниатюрную камеру и установила ее на полке шкафа, развернув так, чтобы крохотный глазок охватывал все

пространство.

– Готово, – прошептала она, стряхивая с пальцев пыль, нагло обосновавшуюся на шкафу. – Теперь ты будешь моим верным свидетелем, маленький шпион. Не подведи мамочку!

Арсеньев вернулся с бутылкой вина и двумя изящными бокалами. Бутылку держал бережно, прижимая левой рукой к сердцу, будто только что извлек ее из сокровищницы французского замка.

Они присели в кресла у журнального столика.

– Предлагаю выпить за искусство! – почти торжественно провозгласил Арсеньев, с грацией опытного сомелье разливая рубиновую жидкость. – За то, что делает нашу жизнь прекраснее и осмысленнее.

– И за вдохновение! – подхватила Софья, чокаясь с художником. – Без которого искусство остается всего лишь ремеслом.

Вино оказалось таким, каким и должно быть вино за несколько сотен евро – с богатым букетом ароматов, шелковистой текстурой и послевкусием, длящимся дольше, чем некоторые браки. Оно мягко растекалось по телу, согревая душу и развязывая языки.

– Чем вы занимаетесь в свободное время, Софья Васильевна? – Арсеньев, пригубив вина, рассматривал свою гостью с нескрываемым интересом. – Наверное, покоряете сердца мужчин направо и налево?

– Ах, оставьте, Василий Иванович, – отмахнулась Софья, притворно смутившись с таким мастерством, что сама Мерил Стрип позавидовала бы. – Седина в бороду, бес в ребро – это не про меня. В моем возрасте уже не до любовных интриг. Я люблю читать книги, посещать театры и музеи. В прошлом месяце была на выставке импрессионистов в Москве – впечатлений на год вперед!

– Прекрасный выбор! – с энтузиазмом воскликнул Арсеньев. – Я тоже люблю искусство во всех его проявлениях. А какого автора вы предпочитаете? Что читаете перед сном?

– Я читаю многих, Василий Иванович, в основном классиков. – Софья с улыбкой взглянула на художника поверх бокала. – Но более других мне близок Чехов. Его тонкий юмор и глубокое понимание человеческой души не могут не восхищать. Как говорил Антон Павлович, «в человеке все должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли». Фраза пошла в массы и стала избитой, но в ней столько смысла! Как и в ваших картинах...

– А в вас, Софья Васильевна, определенно есть все эти составляющие, – во взгляде Арсеньева мелькнуло что-то особенное, от чего у Софьи вдруг пересохло в горле. Забытое чувство, однако!

Она ощутила, как румянец разлился по щекам, и поспешила сменить тему.

– А вы? Что вдохновляет вас помимо живописи?

– Меня вдохновляет жизнь во всех ее проявлениях. – Ар-

сеньев откинулся на спинку кресла и элегантно забросил ногу на ногу. – Игра света на воде, смена времен года, переменчивое волжское небо... И, конечно, красивые женщины, – добавил он с хитрой улыбкой. – А еще музыка. Вы любите музыку, Софья Васильевна?

– Очень, – оживилась она. – Особенно джаз. В нем есть что-то такое... свободное, импровизационное, как сама жизнь.

– Джаз! – воскликнул Арсеньев. – Вот уж не ожидал! У вас отменный вкус. А я коллекционирую винил, знаете ли. Имею несколько редких записей Эллы Фицджеральд и Луи Армстронга.

– Неужели? А я думала, что в наше время винил собирают только хипстеры с бородами и в очках без диоптрий, – рассмеялась Софья.

– Я, может, и старомоден, но до хипстера мне далековато, – подхватил смех Арсеньев, поправив на переносице оправу очков. – Хотя бороду иногда отращиваю. Зимой. Для тепла.

Они обменялись еще несколькими шутками, и Софья с удивлением заметила, что разговор течет легко и непринужденно, как будто они знакомы много лет.

– Вы удивительная женщина, Софья Васильевна, – Арсеньев с восхищением смотрел на нее. – Ваша приятная внешность гармонирует с умом и чувством юмора. Я хочу написать ваш портрет.

– Вы очень любезны, Василий Иванович. – Софья искрен-

не смутилась. – Но портрет – это слишком серьезно. Вернемся лучше к пейзажам. Мне хотелось бы чего-то особенного. Из тех картин, которые в вашей гостиной.

– К сожалению, все эти пейзажи из гостиной уже зарезервированы в галереи и ожидают своих владельцев. Но в процессе есть интересный этюд. Вид с высокого берега на излучину реки на закате. Впрочем, показывать полуфабрикат я не готов. – Арсеньев задумался, подливая вино в бокалы. – Но если хотите, можете вернуться через пару дней. В пятницу вас устроит? К тому времени я как раз его допишу.

– Интересное предложение. Пожалуй, я не откажусь. Два дня вполне подходящий срок.

Арсеньев явно не желал заканчивать беседу.

– А что вы думаете о современном искусстве? Все эти инсталляции, перформансы... Мне интересно ваше мнение.

– Современное искусство слишком эпатажное, – покачала головой Софья. – Иногда мне кажется, что художники соревнуются, кто больше шокирует публику. Например, наш местный Коля-артист со своими инсталляциями... Нет, не мое! Я предпочитаю классику, проверенную временем, с ее глубиной и смыслом.

– И все же, в нем есть своя прелесть, – возразил Арсеньев. – Оно отражает дух нашего времени, его противоречия и страсти. Взять хотя бы тех же абстракционистов – они показывают не внешнюю оболочку, а внутреннюю сущность вещей. А со временем надо идти в ногу, иначе рискуешь пре-

вернуться в динозавра.

– Возможно, вы и правы. Но я консерватор в вопросах искусства. Это не значит, что я не открыта для нового. Но оно должно иметь смысл, а не быть новым только ради новизны.

– Как и в музыке, – подхватил Арсеньев. – Между Шопеном и Майлзом Дэвисом огромная пропасть, но оба гениальны по-своему.

– Да, – согласилась Софья. – Но я остаюсь верна своим вкусам.

– Ваш выбор вызывает уважение. И это говорит о постоянстве. Я не о вкусах сейчас, а о взаимоотношениях. Наверняка вы преданный человек. А потому одиноки. Так же, как и я.

– Я помню, вы весьма образно и многозначительно говорили про одиночество при нашей первой встрече. – Софья пристально посмотрела на художника. – Вы всегда были один? Или только сейчас? Неужели у вас нет родной души? Или близкой женщины, с которой встречались бы... хотя бы изредка?

– А у вас, Софья? – оставив ее вопрос повисшим в воздухе, спросил художник.

Софья тоже уклонилась от ответа и снова обратилась к классику:

– Как писал Лермонтов: «Одиночество! Как часто ты манишь к себе и как редко даришь покой!»

Арсеньев вздохнул и отвел взгляд в сторону.

– Я был женат. Она – актриса, очень красивая и талантливая. Мы познакомились в Москве, когда Тamarочка училась в театральном училище, а я в художественном. Любовь с первого взгляда. Вы верите в такую? Она существует! Вскоре мы поженились и были счастливы. И каждый преуспевал в своем творчестве. Затем наступил момент, когда мы решились на ребенка.

Он провел ладонью по столу, будто стирал невидимую пыль воспоминаний.

– Но Тamarочка умерла при родах. А наша дочь с первого дня жизни осталась сиротой.

– Как печально... – Софья искренне сочувствовала. – Но разве можно назвать сиротой ребенка при живом отце? И что сейчас с вашей дочерью?

– Дочь... – он словно пробовал это слово на вкус, и оно явно ему горчило. – Она с пеленок росла у моих родителей в загородном доме. Видимо, поэтому и ощущала себя сиротой. Признаюсь, я... я почти не интересовался ее жизнью. Работал. Зарабатывал. Мне казалось, что, если я обеспечу ее будущее, то выполню свой долг.

Он посмотрел в окно, в темноту, за которой ничего нельзя было разглядеть.

– У нее тяжелый, скверный характер. Запреты не действовали: чем строже бабушка с дедом пытались ее оберегать, тем сильнее она взрывалась. Ночные клубы, сомнительные друзья. Потом эти препараты... А я? От меня все скрывали.

Когда узнал о проблемах, пытался помочь: возил по врачам, оплачивал лечение в дорогих клиниках. Но... слишком много было упущено. Все оказалось бесполезным. Она шла напролом, будто намеренно разрушала себя.

Арсеньев нахмурился, потер пальцами переносицу и отвернулся к окну.

– Неужели совсем ничего нельзя было сделать? – тихо спросила Софья, искренне сочувствуя ему.

Василий Иванович махнул рукой. Долго молчал, словно решал, стоит ли говорить дальше.

– Нужно было находиться рядом. В ее пятнадцать. В восемнадцать... А я был глух и слеп. И амбициозен. Слишком много работал, чтобы обеспечить всех, а в итоге потерял самое важное. Сам того не заметил, как стал ей чужим. А она – чужой мне.

– Но почему же вы совсем перестали с ней общаться? Разве можно вычеркнуть своего ребенка из жизни? Вот мне Бог не дал... – Софья замолчала.

Арсеньев тяжело вздохнул и отвел взгляд, прячась не только от глаз Софьи, но и от собственных мыслей. Затем снова добавил вина в бокалы.

– Был у нее момент просветления, когда переехала ко мне в московскую квартиру. По выставкам водил, в театры. Она даже рисовать начала. Но затем встретила кого-то из старой компании... мужчину. Сорвалась. Вернулась к бабушке с дедушкой, там на многое закрывали глаза. Однажды пришла

ко мне за деньгами. Сказала: «очень надо». Я понимал, на что они ей нужны, и отказал. Тогда она произнесла ужасные слова... – Арсеньев осекся, сжал челюсти, а потом все-таки выдавил из себя, – Она сказала, что это я убил ее мать. Что если бы я не был таким эгоистом и не заставлял ее рожать, то мать была бы жива. После этого я не захотел ее больше видеть.

В комнате повисла тишина. У Софьи внутри сжалось и похолодело. Нет, не сердце, а в области живота и ниже.

– И что потом? Что с ней сейчас?

– Я не знаю... Не хочу знать. Дочь вычеркнула меня, а я вычеркнул ее.

Софья поняла – он что-то недоговаривает. А если учесть вчерашний визит незнакомки в «Волжские просторы» на его машине, то можно сказать, что не просто недоговаривает, а откровенно лжет. Лжет даже не Софье, а самому себе.

– Но вы все равно переживаете за нее. Я вижу это по вашим глазам.

Да, Софья хотела выжать из этого разговора все возможное насчет женщины из «Лексуса».

Василий Иванович глубоко вздохнул и потер лицо руками.

– Да, переживаю, – признался он, – но ничего не могу сделать. Не знаю, где она и что с ней. Просто надеюсь, что жива и здорова. Я все еще хочу помнить ее такой, какой она была когда-то – молодой, красивой, талантливой...

– А вы не думаете, что ей нужна ваша помощь? – продолжала пытаться его Софья. – Ведь, наверное, можно ее разыскать?

Арсеньев пожал плечами.

– Может быть, и нужна. Но я не знаю, как ей помочь. Я уже пытался и ничего не получилось. Боюсь сделать еще хуже. Софья Васильевна, извините, но я не хочу больше об этом говорить – и так сболтнул лишнего. Давайте сменим тему.

Софья понимала, что перед ней сложный и противоречивый человек. С одной стороны – талантливый и успешный художник, а с другой – одинокий и несчастный отец, потерявший связь с дочерью.

Арсеньев вздохнул, глотнул немного вина и продолжил с грустной улыбкой:

– И да – я один, Софья Васильевна. Одиночество – это моя плата за талант. Но иногда мне все-таки хочется тепла и общения. Не составите ли вы мне компанию в это воскресенье? Я собираюсь на водохранилище. На этюды. Покажу вам прелестные места.

Софья взглянула в его глаза, наполненные тоской.

– Зачем же я вам нужна на этюдах? – Софья потупилась.

Арсеньев улыбнулся, взял ее руку в свою.

– Вы можете стать моей музой, Софья Васильевна. Да, в одиночестве есть своя прелесть... но в вашем присутствии даже самый обычный пейзаж покажется шедевром. И потом, мне приятно проводить время в компании такой умной и

очаровательной женщины.

Софья смущенно поправила прическу.

– Вы слишком галантны, Василий Иванович. И умеете делать комплименты.

– Это всего лишь констатация факта, Софья Васильевна.

Заметив смущение Софьи, Арсеньев довольно улыбнулся.

– Когда вино откупорено, его нужно выпить до дна, даже если это очень дорогое вино. Это не я сказал, а драматург Марсель Паньоль, я лишь слегка интерпретировал.

В его словах сквозил подтекст: речь шла не только о цене напитка, но и о более тесном знакомстве. Василий Иванович наполнил бокалы в очередной раз, опустошив бутылку. Они еще немного поговорили, затронув театр – его магию перевоплощения, кулисы, которые скрывают больше, чем показывают.

Беседа текла неспешно, будто кисть размазывала на холсте финальные теплые нотки. Завершать встречу не хотелось ни Василию Ивановичу, ни Софье.

– Ну что, вы согласны поехать со мной на этюды?

«Надо соглашаться! Для пользы дела! Рыбка сама идет в сети», – мелькнула мысль.

Но Софья почувствовала и другое: приглашение вовсе не тяготит ее, скорее наоборот – оставляет приятное послевкусие.

– Хорошо, я согласна, – произнесла она, стыдясь своих новых ощущений.

«А может, это вовсе не краска смущения вспыхнула на щечках, а вино разлилось по капиллярам?», – в утешение себе подумала она, скользнув взглядом по бокалу.

Василий Иванович засиял.

– Тогда до встречи! – Он проводил гостью до двери, помог надеть пальто и поцеловал руку. – В пятницу готовая картина будет ожидать вас так же нетерпеливо, как и я.

Выйдя из квартиры художника, Софья облегченно вздохнула. Легкая эйфория от вина и напряжение последних двух часов беседы спали, уступив место привычной собранности и аналитическому мышлению.

Ну что же, игра началась! Но если это и был в какой-то мере спектакль с ее стороны, то заключительный акт оказался не только неожиданным, но и весьма приятным.

– Надеюсь, моя маленькая помощница, установленная в мастерской, позволит разгадать, что скрывает твое прошлое, Василий Иванович. Посмотрим, что ты за птица, старый художник, – пробормотала она, направляясь от «Волжских просторов» к своей скромной хрущевке.

Оставалось только ждать, какие тайны откроет ей продолжение знакомства с Арсеньевым.

Время собирать камни

Данилин тоже не сидел сложа руки. Через своего приятеля Киршева, бывшего однокурсника, а ныне сотрудника московского УГРО, Александр раздобыл информацию о родителях Светланы: Сухоруков Алексей Петрович и Сухорукова Любовь Андреевна, оба пятидесяти лет, проживают в Москве, занимаются торговлей. В полицейских сводках не фигурировали.

– И что это значит? – озадачилась Софья, выслушав новости. – Владелица салона «Шарм» Светлана Сухорукова-Емельянова никакого отношения к нашей незнакомке из «Лексуса» не имеет? Как такое вообще возможно?

Итак, женщина оказалась не той, за кого ее принимали. Настоящий заголовок для желтой прессы! Или, говоря начистоту, описание каждого второго брака: сначала все кажется волшебным, а потом выясняется, что муж на самом деле не принц, а Иван-дурак, а жена – не принцесса и даже не лягушка, а жаба, которая так и не научилась выбираться из болота.

«Какая-то чертовщина! А я уже распланировала всю детективную интригу, и вот тебе такой поворот сюжета. Теперь придется переписывать весь состряпанный сценарий», – потеряв дар речи, мысленно вздыхала Софья, уставившись в экран монитора пустым взглядом.

– Что-то не так, Софья Васильевна? – Александр механи-

чески помешивал ложечкой кофе, пытаюсь растворить не сахар в чашке, а первую неувязку в их версии.

– Да все не так, Саша! Все шиворот-навыворот!

Получается, что все подозрения насчет матери Светланы оказались беспочвенными. Но кто тогда эта таинственная дама? И почему она так разительно похожа на владелицу салона красоты?

– Не бывает такого сходства без генетического совпадения, Александр, – Софья задумчиво вертела в руке туфлю цвета фуксии, экспропрированную у Коли-артиста и превращенную в карандашницу. – Двойники, Саша, редкое явление, особенно на такой территории, как жилой комплекс «Волжские просторы». Статистически невозможно!

Софья перевела взгляд на юную сотрудницу, смакующую печенье, и продолжила:

– Это все равно что открыть две упаковки печенья и не обнаружить ни одного сломанного. Да, Аннушка? Милая, две пачки – это уже перебор! Береги талию, пока она не уплыла от тебя в неведомые дали.

Александр хихикнул. Софья метнула на него косой взгляд и усмехнулась:

– А ты, Сашенька, хотя бы сделал вид, что эта загадка тебя волнует! А то сидишь с таким постным лицом, будто Киршев сообщил тебе не о провале наших гипотез, а нечто само собой разумеющееся. Мол, именно так и должно было быть в нашем деле, и никак иначе.

– Софья Васильевна, меня волнуют в данный момент только две вещи: чтобы вы, сломя голову, не влезли в неприятности и чтобы мой кофе оставался горячим, – хмыкнул Данилин. – Причем второе, пожалуй, важнее. Остывший кофе – это трагедия, а вот вы из неприятностей выскочите, как пробка из бутылки шампанского. Я в вас верю!

– Пробка из бутылки, Сашенька? В смысле, с хлопком и в непредсказуемом направлении? Ну вот, а еще говорят, мужчины не способны совмещать два дела одновременно, – парировала Софья. – Ты умудряешься и кофе свой стеречь, и меня подзуживать – два занятия сразу! И куда только смотрит книга рекордов Гиннеса?

Не ожидая ответа на свой риторический вопрос, наставница повернулась к Анне с очередной шпилькой – ну надо же было сорвать на ком-то свое никудышное настроение:

– А ты чего замерла, красавица? Полюбуйтесь на нее: застыла, как вишенка в желе, и ресничками хлопает.

Анна, все это время задумчиво жевавшая уголок печенья, вынырнула из своих девичьих грез.

– Да я вот думаю... Если имя и фамилия этой женщины и неизвестны, как же вы ее искать собираетесь? Объявление в газету дадите: «Разыскивается особа женского пола, похожая на другую известную даму»?

– Вот поэтому мне и необходимо снова навеститься к Арсеньеву, – Софья словно оправдывалась за свое намерение вернуться к художнику. – Постараюсь разузнать ее данные. Де-

тективу без информации, как рыбе без воды, только и остается что рот разевать да пузыри пускать.

– И, разумеется, для этого вы снова отправитесь к нему под видом влюбленной в искусство дамы? – усмехнулся Александр. – Репертуар не меняем?

– А что мне остается? Может, посоветуешь переодеться сантехником или почтальоном и нагло заявиться в квартиру? В конце концов, не могу же я брякнуть: «Здравствуйте, Василий Иванович, это, конечно, замечательно, что вы гениальный художник, но давайте-ка лучше поговорим о вашей дочери, потому что мне покоя не дает одна женщина на вашем Лексусе». Выбор не велик, Александр: либо я светская дама, ценительница искусства, либо полоумная сталкерша. Что предпочитаешь?

Анна хихикнула, а Александр расхохотался:

– Нет, это было бы чересчур прямолинейно, согласен. Хотя эффект неожиданности сработал бы на все сто.

– Вот и я думаю, прямолинейность – не козырь детектива, – Софья порылась в столе и извлекла баночку абрикосового варенья из своих домашних запасов. – Поэтому сегодня я пойду за картиной. Мы повесим ее здесь, в офисе. Нагрюну к художнику с угощением. Слышали выражение «подсластить пилюлю»? Вот и подслащу свой визит.

– Вы, Софья Васильевна, возьмите еще и корзинку плетеную, как Красная Шапочка, – фыркнул Александр. – И скажите: «Это я, внучка твоя, принесла тебе пирожки и гор-

шочек масла». И заодно узнаете, почему у художника такие большие глаза и длинные волосы.

– Очень остроумно! – притворившись обиженной, хмыкнула Софья. – Между прочим, абрикосы – это вам не какие-нибудь банальные яблоки. В них косточки с легкой горечью, знаете ли... как и в нашей жизни: сладость момента с легким послевкусием сожалений. Как мой брак, например...

– Ну все, пошла философия, – заулыбался Данилин. – Сейчас начнется лекция о диалектике абрикосового варенья и темной стороне супружеской жизни. Из классиков. Непременно из них. «Все смешалось в доме Облонских...»

– А ты, как я посмотрю, вдруг осмелел, Александр! Язычок-то развязался. Похвально! Был тише воды, ниже травы, в рот мне заглядывал, а теперь прямо Соловей-разбойник. Но не могу же я, Саша, быть просто обаятельной и привлекательной, мне нужно и мудрость проявлять, а господа классики в этом подмога. – Софья подмигнула и, не дожидаясь новых подколов от молодежи, направилась к выходу.

Втайне от сотрудников она собиралась посетить салон красоты «Шарм» и не без помощи волшебных рук косметологов перевоплотиться из детектива в загадочную музу. Надо же соответствовать образу сногшибательной дамы, достойной увековечивания на полотнах Арсеньева.

На выходе из офиса она обернулась и перешла на строгий командный тон:

– Александр Николаевич, а займись-ка ты Зотовым Вяче-

славом Федоровичем поплотнее: наведайся на его предприятие, изучи положение дел, поговори с людьми, а заодно и супругу Зотова прощупай.

Саша послушно кивнул. А Софья решила отомстить ему за подколки с художником и с улыбкой продолжила напутствовать:

– Только прощупай ее не в буквальном смысле, Александр, а то я помню, как ты на управдомшу Ольгу Григорьевну Пучкову слюни пускал... Как бы не пришлось мне объясняться перед Зотовым, почему мой сотрудник проводит тактильное обследование его жены.

* * *

Да, у Софьи Васильевны был повод встретиться с Арсеньевым – не только забрать картину, но и опять вывести разговор на его дочь и хотя бы разузнать имя и фамилию, если дочь была замужем и сменила ее. Отыскать в архивах, скорее всего московских, просто Арсеньеву без имени – это как найти иголку в стоге сена или порядочного политика в парламенте.

Софья опасалась спугнуть художника лишними расспросами, поэтому надо было подготовиться, чтобы осторожный Арсеньев ничего не заподозрил, и чтобы одна тема беседы плавно перетекала в другую, приближаясь к заветной цели.

«Главное – не переборщить с абрикосами», – усмехнулась она.

У пентхауса Арсеньева Софья постаралась собраться с

мыслями и сохранить самообладание.

«Ты не шпионка, ты просто милая женщина средних лет, обожающая искусство и художников. Особенно с сединой на висках», – напомнила она себе.

Художник встретил Софью, как и в прошлый раз, с легким поклоном и очаровательной улыбкой.

– Софья Васильевна, вы снова украсите мой вечер своим присутствием! Как луч света в царстве красок и холстов!

– Ну что вы, Василий Иванович, этот дом украшен вашим талантом. Я же просто скромный ценитель, – парировала Софья.

– Как говорится, «талант – это хорошо, а вот поклонники таланта – еще лучше», – Арсеньев залиvisto рассмеялся.

Они прошли в гостиную.

– А я к вам не с пустыми руками, – Софья вручила Василию Ивановичу баночку варенья. – Вот... примите... собственноручного приготовления, как и мой энтузиазм к вашему творчеству – тоже прост, но зато домашнего разлива.

– Как приятно! – художник с неподдельным интересом повертел банку в руках. – Это абрикосовое?

– Именно. Идеальное сочетание сладости и легкой горечи. Как искусство. Как жизнь. Как мои воспоминания о минувших годах.

Арсеньев одобрительно кивнул:

– В таком случае предлагаю поставить чайник, я заварю отличный вьетнамский чай-улун «Да Хун Пао»... Пробова-

ли такой? Помогает снять напряжение и улучшает настроение.

– С удовольствием попробую, – улыбнулась Софья. – Хотя напряжение в последнее время снимаю просмотром сериалов про маньяков, а настроение улучшаю шоколадом. Но ваш метод тоже заслуживает внимания.

– Проходите в мою мастерскую. Присядем там, как в прошлый раз.

Когда художник удалился на кухню, Софья сняла с полки шкафа видеокамеру и спрятала ее в сумку.

«Молодец, Софья, операция "шпионка" завершена, – мысленно похвалила она себя. – Теперь надо провести операцию "разговорчивый художник"».

Они расположились за журнальным столиком друг напротив друга.

Беседа текла легко и непринужденно. Начали с погоды, затем перешли к назначению нового мэра Энска.

– Знаете, Василий Иванович, меня всегда удивляло, что мэров выбирают, как и мужей – с большими надеждами и верой в светлое будущее, а потом дружно разочаровываются в них.

Арсеньев рассмеялся:

– Но вы-то, Софья Васильевна, как я понимаю, всю жизнь прожили с одним супругом?

– Ну, моя жизнь еще не закончилась, – улыбнулась она. – Но во второй раз я буду крайне осмотрительна. Как при вы-

боре мэра – стану требовать полную декларацию о доходах и проверять все предвыборные обещания.

Наконец, Арсеньев поднялся и подошел к картинам, прислоненным к стене и частично упакованным. Очевидно, заказы для галереи.

– Ну что же, Софья Васильевна, настало время познакомиться вас с вашим приобретением, – торжественно произнес он и освободил одну из картин от накинутаой на нее ткани.

Софья замерла.

Перед ней открылся восхитительный волжский пейзаж: закатное небо разливалось огненно-розовыми оттенками, отражаясь в воде, а на высоком берегу склонились тонкие березы, прощаясь с уходящим солнцем. Картина была наполнена светом и воздухом, но в ней чувствовалась и грусть – мягкая, едва уловимая, как дыхание надвигающейся осени.

– Это... невероятно, – Софья ощутила, как ком подступает к горлу. – Она живая. Я почти слышу шелест и шепот этих берез.

– Вы угадали. Это не просто пейзаж. Это настроение. Я назвал его «Прощальный свет».

Софья вздохнула:

– Прощальный свет? Почему прощальный? У меня другие ассоциации. Предчувствие осени... И я не только о сезоне. Но и о возрасте. Это великолепная работа, Василий Иванович. Но, боюсь, мне просто нечем будет вам достойно заплатить за такой шедевр. Разве что своей почкой – говорят, они

сейчас в цене.

– Софья Васильевна, – художник посмотрел на нее с мягкой улыбкой, – но кто же ставит цену на дружбу? Это мой подарок вам.

Софья опешила.

– Но... это ведь дорого... Я не привыкла получать такие подарки. Обычно мне дарят кухонные прихватки или абонемент в салон красоты.

– Некоторые вещи бесценны, – тихо произнес он, – как и некоторые встречи.

– Я не знаю... как вас благодарить. Вы поставили меня в щекотливое положение. Последний раз я так смущалась, когда пыталась втиснуться в платье, которое носила еще до свадьбы.

– Дайте мне согласие написать ваш портрет. Я буду счастлив...

Софья залилась румянцем, ничего не ответила про согласие и, чтобы разрядить обстановку, кивнула на коллекцию пластинок:

– Вы в прошлый раз говорили, что у вас есть редкий винил. Может, послушаем что-нибудь за чаем?

– Прекрасная идея! – оживился Арсеньев. – Позвольте, я выберу подходящее под нашу беседу.

Василий Иванович извлек пластинку, установил на проигрыватель, и комната наполнилась глубокими нотами саксофона.

– Луи Армстронг! – Арсеньев прикрыл веки. – Вечная классика.

– Да... – Софья задумчиво смотрела в чашку. – Жаль, что люди не всегда бывают такими же вечными, как музыка... Разве что писатели-классики продолжают жить в своих творениях... и художники – в полотнах.

Арсеньев вздрогнул и пристально взглянул на Софью.

– Это вы к чему? О наших ушедших супругах?

Она пожала плечами:

– Это просто размышления. В том числе и о прощальном свете... Хотя некоторые мои знакомые и в преклонном возрасте все еще скрипят, как старый патефон. Например, моя восьмидесятипятилетняя тетушка. Дай Бог ей здоровья и долгих лет жизни! Надо бы съездить навестить её...

Музыка струилась мягко, неспешно. Арсеньев безмолвствовал. Он сидел с прикрытыми глазами, наслаждаясь мелодией. Наконец, поднял веки и едва заметно улыбнулся.

Софья с теплотой посмотрела на него и задумчиво произнесла:

– Иногда мы теряем дорогих нам людей... а иногда сами их отпускаем. Как говорится, «если любишь – отпусти, если не вернется – выследи и верни». Шучу, конечно.

Василий Иванович поднес чашку к губам, отпил глоток, откинулся на спинку кресла и, наконец, заговорил:

– Вы правы. Иногда прошлое нас настигает, даже когда мы думаем, что давно с ним простились.

– Да, как налоговая инспекция – всегда найдет тебя, даже если ты сменил фамилию и переехал в другой город. – Софья стремилась направить разговор в нужное ей русло, но при этом смягчить тон. – И вы боитесь, что оно вернулось? Прощлое, я имею в виду, не налоговая.

Художник неторопливо опустил чашку.

– А если да?

Вот он, момент истины! Софья задержала дыхание.

«Только не спугни его, Софья! Веди себя естественно, как будто ты не частный детектив, а просто любопытная женщина. Хотя в твоём случае это почти одно и то же».

Василий Иванович погрузился в раздумья, взвешивая, стоит ли продолжать разговор. В комнате воцарилась тишина, наполненная негромкими звуками джаза и ароматом чая. Софья не торопила. Она знала: если слишком надавить, собеседник захлопнется, как устрица при виде лимона.

Наконец, Арсеньев вздохнул и провел рукой по седым волосам.

– Маргарита... – тихо произнес он.

– Что? – Софья чуть не подскочила, но совладала с собой.

– Ее зовут Маргарита.

Сердце Софьи совершило маленький кульбит. Она наконец-то узнала имя!

«Бинго! – мысленно возликовала она. – Теперь осталось всего ничего – выяснить фамилию, адрес, номер телефона, счет в банке, историю жизни и все тайны... Пустяки!»

Да-а, без иронии она не могла обойтись даже в серьезных ситуациях.

– Красивое имя, – мягко заметила она, – как цветок в бутоне. Звучит загадочно и элегантно.

Арсеньев улыбнулся так светло, что Софье показалось – солнышко заглянуло в окошко и на миг озарило его лицо.

– Да! Тamarочка так и хотела назвать дочь... в честь своей любимой героини Булгакова. Хотя я всегда шутил, что если она будет обладать таким же характером, как булгаковская Маргарита, то мне понадобится собственный Воланд для поддержки.

Софья понимающе кивнула. Но ее мысли уже плыли по другому течению. Теперь у нее появилась отправная точка.

– Женщины с характером – это благословение и проклятие одновременно, – философски заметила она. – Как острый соус: делает жизнь вкуснее, но временами обжигает.

– Вы точно подметили, – улыбнулся Арсеньев. – Дочь всегда была непредсказуемой, яркой... и опасной, когда рассердится...

– Она и сейчас такая? – как бы между прочим поинтересовалась Софья, стараясь, чтобы голос звучал непринужденно.

Арсеньев вздрогнул, словно только что очнулся от воспоминаний.

– Я не знаю. Я уже говорил: мы давно не общались.

Софья осторожно поставила чашку на стол.

– Простите мое любопытство, Василий Иванович. Иногда

я забываю, что не все семейные истории так просты, как кажутся. Не буду вас мучить расспросами. Спасибо за чай и картину. Она займет почетное место в моем кабинете.

Арсеньев кивнул и улыбнулся.

– До воскресения, Софья Васильевна! Вы же помните, что обещали поехать со мной на этюды?

– Конечно, помню! И даже помню, что обещала заскочить за вами в девять утра на своей коробчонке.

– Каюсь – стыдно! Безлошадный напросился на ваш транспорт.

– Да уж! К седым волосам пора уже иметь и свой, – пустила Софья многозначительную шпильку с прицелом.

– Было да сплыло и быльем поросло, Софья Васильевна! Благодарю за компанию. С вами приятно беседовать.

– И с вами, – ответила она и неспешно направилась к выходу.

Проходя мимо журнального столика в центре гостиной, краем глаза заметила лежащий на нем блокнот. Толстый. Кожаный. Дорогой.

«Сколько паролей и явок в этом блокноте», – подумала она и вздохнула.

Что же, встреча была ненапрасной. Но оставалось главное – выяснить, какие тайны скрывает эта семья, если отец и дочь не общаются, а она при этом пользуется его автомобилем.

Впереди маячила совместная воскресная поездка на эту-

ды, и у Софьи будет возможность основательно подготовить следующие каверзные вопросы не просто любопытной женщины, но и детектива.

Под покровом тайны

Вернувшись в свои родные пенаты, Софья Васильевна устроилась поудобнее в любимом кресле, укутала ноги пледом, запустила компьютер, подключила камеру и приготовилась к просмотру с трепетом разведчицы в логове искусствоведа-интригана. Не иначе, как Мата Хари в мире искусства!

Анна, предчувствуя сенсацию, оторвала пятую точку от дивана и молодежного сериала про вампиров-вегетарианцев и в мгновение ока материализовалась рядом с Софьей Васильевой.

– Ну что, босс, приступаем к раскрытию страшных тайн или всего лишь проверим, сколько раз за день художник наливает себе рюмочку горячительного? – Она уставилась на экран с щенячьим энтузиазмом телезрителя, ожидающего финал «Евровидения».

– Поживем – увидим. – Софья отхлебнула чаю и скривилась. – Что за отвар из грязных носков ты мне подсунула, Аннушка? Мы с тобой на паперти милостыню не просим. Нужно приобрести хотя бы пачку французского Kusmi, раз уж вьетнамский Да Хун Пао нам не по карману. Этот Хун, должна тебе сказать, творит чудеса с настроением – ого-го, как поднимает его... и не только настроение... Во мне проснулся такой зуд, что готова была целую галерею скупить. Лишь моя врожденная бережливость спасла наш бюджет от краха.

– Ага, особенно когда видишь ценник, – фыркнула Анна и послушно отправилась на кухню за новой заваркой, бормоча что-то об аристократических замашках своей наставницы.

Софья запустила видео. Перемотка. Ускоренный просмотр. На экране мастерская Арсеньева предстала во всей красе своего художественного беспорядка. Софья вздохнула с видом кинокритика, вынужденного досмотреть до конца фильм, разгромленный еще на титрах. Очередной просчет! Гостиная была бы идеальным местом для слежки – именно там художник принимает заказчиков и покупателей... Но что теперь сетовать?

«В следующий раз буду тщательнее продумывать дислокацию своих шпионских штучек», – проявила она твердое намерение исправить тактические ошибки.

Анна вернулась с кухни и водрузила перед наставницей чашку с заваркой из трав, собственноручно высушенных Софьей.

– Фи, какая скукота! Где таинственные личности в черных плащах? Где секретные сделки при свете луны? Где драматические сцены с проливанием крови и красок? Он просто рисует!

– А ты, должно быть, ожидала увидеть тайный орден коллекционеров или контрабандный трафик шедевров через подземный ход с правого берега Волги на левый? Терпение, моя юная падаванка, – усмехнулась Софья, отхлебнула обновленный чай и одобрительно кивнула. – В нашем ремес-

ле главное – умение ждать. Преступления не подчиняются расписанию, подобно автобусам или парламентским заседаниям... или, на худой конец, обеденному перерыву в нашей конторе. Хотя это было бы весьма удобно.

И точно в подтверждение ее слов, через несколько минут запись внезапно ожила. В мастерскую вошел импозантный мужчина высокого роста, с благородной сединой на висках – вылитый состарившийся Джеймс Бонд, который уже не преследует злодеев с пистолетом наперевес, а охотится за редкими экземплярами искусства с чековой книжкой наготове.

– Ага, начинается представление! – встрепенулась Анна и едва не опрокинула чашку. – Сейчас грянет гром! Может, это заказчик фальшивых Пикассо? Или связной из мафиозного синдиката любителей импрессионизма?

– Аннушка, золотце, а когда ты нахваталась этих фраз и начала разбираться в искусстве? Растешь на глазах!

– Да, Софья Васильевна, с кем поведешься... ну, сами понимаете, что дальше...

Арсеньев передал клиенту четыре полотна из тех, что стояли у стены. Мужчина изучил их с видом знатока, лицо озарилось довольствием ценителя, распробовавшего вино урожая прошлого века. Кстати, а вина-то ему, несмотря на масштаб покупки, не предложили – вопиющее нарушение этикета для джентльмена такого полета. Затем оба взяли по две картины и молча удалились. Сделка без слов – никакой театральщины, намек на криминал, только чистый бизнес.

– Эх, а я-то надеялась на что-нибудь поострее. – Анна разочарованно надула губы, как ребенок, обнаруживший в подарочной коробке не куклу, а новые носки. – Может, хоть деньги в дипломате передаст? В детективах обычно так и происходит.

– Дитя мое, – усмехнулась Софья, – в наши дни даже среднестатистические преступники пользуются безличными расчетами, а серьезные мошенники давно освоили криптовалюту. Дипломаты с наличными канули в прошлое вместе с перьевыми ручками, пейджером и дисковыми телефонами. Хотя не скрою, есть в этом некая старомодная романтика – эдакое ретроочарование.

Опять ускоренная перемотка. Следующий день. И вот появилась новая фигура. Статная блондинка в короткой меховой куртке, кожаной юбке и сапогах на высоченных каблуках вошла в мастерскую впереди галантно придерживающего дверь Арсеньева. Софья впиалась взглядом в экран, чуть ли не прилипла к нему, рискуя получить хроническое напряжение глазных мышц. Женщина, примерно сорока пяти лет, ростом почти с Арсеньева, двигалась уверенно, будто бывала здесь чаще, чем в собственной квартире.

– Посмотрите, Софья Васильевна, как он перед ней расшаркивается! – Тут же среагировала Анна, подпрыгнув на стуле. – Явно нерядовая покупательница. Дама сердца! Возлюбленная! Хотя... он же староват уже для амурных дел.

– Или просто клиентка с очень толстым кошельком, – по-

правила Софья, и что-то дрогнуло в ее голосе.

Арсеньев предложил даме располагаться в кресле и тут же исчез. Вернулся он с важным атрибутом светского приема – бутылкой вина и бокалами – теми самыми, из одного из которых недавно пила и Софья.

Она ощутила легкий укол ревности – нелепый, но все же...

– Ах ты, дамский угодник! Значит, не одну меня потчешь французскими винами! – пробурчала она себе под нос. – А я-то, наивная, вообразила это знаком особого внимания. Очевидно, у него целый арсенал алкогольных боеприпасов для обольщения женского пола. Казанова недоделанный!

– Да прямо олень северный! – поддакнула Анна и искоса посмотрела на озадаченную Софью. – Да он вам в подметки не годится, сутулый, как... верблюды азиатский.

– Ты уж определись с зоопарком, милая, – усмехнулась Софья. – И вообще, детям пора спать! Брысь отсюда!

– Ну-у, Софья Васильевна, так нечестно! Хотите, я вам еще чаю заварю? На сушеной ромашке? Успокаивает, говорят...

– Лиса ты хитрая, Аннушка... Ладно уж, сиди!

Обе снова уткнулись в экран.

Разговор между посетительницей и художником развивался неспешно. Блондинка, оказавшаяся некой Полиной Сергеевной, вознамерилась приобрести картину. Но не какую-нибудь, а именно ту, что красовалась на мольберте.

– Сколько? – спросила она, застыв перед полотном с выражением лица коллекционера, обнаружившего на барахолке неизвестного Рембрандта. – Я хочу ее. Назовите вашу цену.

– Увы, Полина Сергеевна. Это работа на заказ. Я обязан завершить ее к завтрашнему дню.

– Назовите сумму, обещанную заказчиком, и я заплачу больше, – в ее голосе звучала уверенность женщины, привыкшей к тому, что все в этом мире имеет свою цену.

Она вцепилась взглядом в картину с неистовой жадной приобретения, как будто это была последняя бутылка воды в пустыне. Однажды Софья смотрела так же на первое издание «Евгения Онегина» на аукционе.

Но Арсеньев держался непоколебимо. Его голос был учтив, но тверд:

– К сожалению, Полина Сергеевна, эта картина создается для особого случая, и замена на другую не предусмотрена. А дважды один и тот же пейзаж я не пишу.

Дама обиженно тряхнула головой и отвернулась от мольберта.

Вскоре они покинули мастерскую, оставив камеру фиксировать пустое помещение и отголоски несостоявшейся сделки.

И это все! Больше никаких визитеров не наблюдалось. Ни тайных встреч под покровом ночи, ни зашифрованных телефонных разговоров, ни подозрительных пухлых пачек в обмен на полотна.

Отказавшись от перемотки, Софья наблюдала, как художник вернулся к работе над незавершенным произведением. Интуиция подсказывала – это и есть её «Прощальный свет». Лицо Арсеньева было обращено к камере. Взгляд Софьи наполнился нескрываемым упоением. Наверное, именно так смотрит астроном на только что обнаруженную им новую звезду, или ботаник на редкий экземпляр орхидеи.

«Какие утонченные черты. Настоящий аристократ! – думала Софья с невольным восхищением. – И руки как у пианиста – длинные, чуткие пальцы. Любопытно, играет ли он на чем-нибудь, кроме струн женских сердец?»

В какой-то момент художник задумался, нахмурил брови, а затем его губы тронула легкая улыбка – видимо, в памяти всплыло что-то приятное. Свет от лампы отразился в стеклах его очков, окружив глаза мягким сиянием. Софья давно заметила эту дорогую оправу, явно непростую, с позолотой. Cartier? Bentley?

Она, разумеется, не эксперт в модных аксессуарах, но на всякий случай проверила стоимость очков в интернете и выразительно присвистнула. От этого звука, изданного предводительницей, Анна вздрогнула, будто услышала боевой клич команчей.

– Неужели искусство настолько прибыльно? – изумилась Софья. – Похоже, я избрала не ту профессию. Может, пора реанимировать свои художественные таланты? Правда, последний раз я рисовала в четвертом классе, и учительница

долго колебалась в определении – на моем шедевре боевой конь с попоной на спине или раздвижной диван под пледом.

Анна посмотрела на Софью с хитрецей и многозначительно приподняла брови.

– Или художник просто мастерски выбирает клиентуру. Особенно женскую. Возможно, его бизнес-модель включает не только продажу живописных полотен?

– Анна! – возмутилась Софья, но где-то в глубине души кольнуло сомнение. В конце концов, она видела только малую часть жизни этого загадочного мужчины.

* * *

Суббота встретила Софью ярким солнцем и задорным щебетанием птиц за окном.

«Похоже, пернатые устроили музыкальный фестиваль. Прямо сцена из сказки, – подумала она, – только вместо принца на белом коне у нас художник без своего старого Лексуса. Безлошадный рыцарь кисти и палитры. "И какой же ты герой без коня боевого?" – как спросил бы Гоголь».

В офисе витала атмосфера предвыходного дня. Александр расслаблено полулежал кресле с папкой документов в руках. Анна с нескрываемым энтузиазмом листала гляцевый журнал, уносясь мыслям куда-то далеко, в параллельную вселенную, где расследования не отравляют девичью жизнь, а горячий кофе не заканчивается в самый неподходящий момент.

Софья поприветствовала молодых коллег царственным

кивком и направилась к кофе-машине, этому алтарю современного офисного работника. Наполнив ароматным эликсиром бодрости свою любимую чашку с надписью «Лучший детектив этого века» (трогательный подарок Данилина на 8 Марта, едва не вызвавший у нее приступ сентиментальности), она приготовилась к серьезному разговору.

– Итак, господа сыщики, – Софья уселась за стол и тоном полководца перед решающим сражением поведала о своих пятничных приключениях, завершив рассказ эффектной кульминацией: – У нас появилось имя – Маргарита Васильевна Арсеньева. И, поверьте, это лишь верхушка айсберга нашей головоломки.

Александр мгновенно преобразился: в глазах мелькнул азарт кота, заметившего мышь, пробежавшую по кухонному полу.

– Если дочь художника не меняла фамилию, то можно пробить ее через базы. Дайте мне пару часов, и я выясню, не числится ли она в списке «Форбс» или, чем черт не шутит, в картотеке Интерпола. – Очевидно, Данилин перенял от своей наставницы не только навыки совать нос в чужие секреты, но и ее фирменную иронию.

– Не гони лошадей, мой юный Шерлок, – усмехнулась Софья. – Нам нужна московская база, а не местная. Наша таинственная дамочка, похоже, навевается в Приславль исключительно за финансовыми подношениями от Зотова. В лучших традициях шпионских романов – тайные встре-

чи, конверты с деньгами, минимум свидетелей. И параллельно нужно разузнать, чем занимался Арсеньев в последние годы, подавал ли официальные запросы о дочери. Если он её искал, эти следы где-то должны остаться. Что-то должно всплыть. Так что придется нам раскошелиться на услуги твоего московского приятеля Киришева. Без его связей – никуда.

Анна оторвалась от журнала с недовольной гримасой: ее только что вытащили с пляжа Лазурного берега прямо в офисные будни.

– А мне что делать? Может, стоит внедриться в круг московской богемы?

Софья смерила ее насмешливым взглядом:

– Ты однажды, детка, уже внедрялась в «богему», если моя память не сыграла со мной злую шутку... Скажи спасибо Данилину, что рядом оказался. Боюсь, моя дорогая, тебе предстоит миссия не менее ответственная: приобрести приличный чай. Настоящие детективы не могут раскрывать тайны вселенной, довольствуясь заварочной бурдой. Пора выводить наши гастрономические привычки на новый уровень.

Анна фыркнула, но послушно направилась за курткой. Данилин проводил ее взглядом (в нем читалось нечто большее, чем профессиональный интерес), затем повернулся к Софье.

– А если отец и дочь действительно не общаются, и ее визит к нему был единственным за долгое время? – Он задумчиво крутил в руке маркер.

– Тогда перед нами новая загадка: почему Маргарита распоряжается его автомобилем, как своим собственным? – Софья нахмурилась. – И что гораздо интереснее, почему Арсеньев умолчал об этом факте в нашем разговоре?

Когда Анна покинула офис, Софья с видом учительницы, ожидающей от ученика отчета о выполнении домашнего задания, присела рядом с Данилиным.

– Ну, что там насчет Зотова? Какие секреты откопал?

– Ничего сенсационного – чист, как слеза младенца. Почти канонизации подлежит. Скромный бизнес в сфере недвижимости. Стандартный набор: купля-продажа-аренда. Акционер машиностроительного завода и его дочерней компании по производству шин. В Приславле обосновался пятнадцать лет назад. А вот что было до Приславля, кроме тех крох информации, которые мы собрали в первые дни, выяснить пока не удалось.

Александр отодвинул чашку с кофе и решительно поднялся.

– Софья Васильевна, помощь Киршева – это замечательно, но мне необходимо самому отправиться в Москву. Мое профессиональное чутье подсказывает – разгадка скрывается именно там. Не просто так люди покидают столицу ради провинциальной тишины.

Софья скрестила руки на груди и качнула головой с выражением скептического мудреца.

– Послушай, Саша, наша прямая задача – установить лич-

ность этой женщины и ее адрес. Кто она, мы уже выяснили. Остается найти адрес. Если Маргарита Васильевна Арсеньева не числится в списках жителей Приславля или Москвы, так и ответим: место проживания установить не представляется возможным. Женщина из «Лексуса» явно не претендентка на роль любовницы ее супруга. Предоставим многочисленные фотографии. Большого от нас клиентка и не требовала. И нам не платят гонорар за полное жизнеописание Зотова. Сегодня уже пятый день расследования. Давай пока не распыляться на Зотова. Хотя...

Но Александр перебил Софью, хлопнув себя по лбу (и эту привычку перенял от нее):

– Черт! Совсем из головы выскочило, потому что вы отвлекли меня.

– Что еще? Только не говори, что наши умозаключения снова перевернулись с ног на голову, как гимнаст на Олимпиаде.

– Ну, это как посмотреть... Держитесь крепче за стул, Софья Васильевна, а то, не дай бог, при очередном кульбите не заработать бы травму.

– Не томи уже, птица-говорун.

Александр взглянул на Софью с торжественностью фокусника перед главным трюком.

– В общем... та самая незаконнорожденная дочь Зотова не имеет ни малейшего отношения к Маргарите Арсеньевой. Мать – совершенно другая персона. Макарова Ольга. А дочь

– Макарова Инна Вячеславовна, двадцати пяти лет от роду. Информация от сослуживицы Зотова. И, представьте себе, супруга Зотова осведомлена о существовании внебрачной дочери своего благоверного. Вот такие пироги!

– Вот даже как! Второй облом. Саша, голубчик, это не упрощает, а катастрофически усложняет нашу миссию. Выходит, в конверте были откупные не за скрываемую дочь, а за что-то совершенно иное... И это «иное» однозначно прячется в прошлом. Вероятно, Арсеньева недавно вернулась из мест не столь отдаленных – недаром отец обмолвился: «пока не знают, что ты на свободе».

Софья поднялась со стула и принялась расхаживать по офису, нахмутив брови.

– Все-таки ты прав: поездка в Москву необходима, и чем скорее, тем лучше. С Киршевым или в одиночку, но копай информацию не только о Зотове, но и о Маргарите Арсеньевой. Я жажду знать все: где и как они пересеклись, за какие грехи отбывала наказание, какой срок и когда вернулась на свободу...

Софья внезапно остановилась и щелкнула себя по лбу.

– Саша, если Арсеньева Маргарита действительно засисимая от всякого зелья, то как она получила водительские права? Когда и где постигала искусство вождения? Где прописана и где обитает фактически? Все! все! все! Абсолютно все хочу знать, Саша! Дело принципа, даже если наша клиентка подобного не запрашивала. Бери билет на ближайшую элек-

тричку и срочно дуй в Москву быстрее ветра!

– Софья Васильевна, но завтра же воскресенье! Я на футбольный матч собирался! – взвыл Александр.

– Спорт подождет! Выдам Киршеву материальную благодарность, а тебе – двойную плату за выходной и сверхурочные. Марш на вокзал!

– Но что там делать в воскресенье? Покопаться в интернете я и в Приславле могу.

– Обмозгуй все с Киршевым – у него большой опыт. И разыщите загородный дом Арсеньевых, где проживали родители и дочь художника. Понятно, родители почили уже. Но поговори с соседями. Может, и всплывет какая-то семейная тайна. Этот кроссворд мы непременно должны разгадать.

– Ну вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – проворчал Александр, извлекая из кармана телефон для покупки билета.

– Поогрызайся мне еще, внучок! – рассмеялась Софья и по-матерински приобняла коллегу. – Ну что же, вперед, мой следопыт! Раскрой нам все тайны Белокаменной.

Когда Александр умчался на вокзал, а Анна вернулась с внушительным пакетом экзотических чаев, Софья задумчиво устремила взгляд в окно.

«Что же ты скрываешь, Маргарита Арсеньева? – размышляла она. – И какую роль во всем этом играет Зотов? Похоже, наше скромное семейное дело превращается в полновесный детективный роман, достойный пера Агаты Кристи».

Пикник на обочине тайны

Утро выдалось на редкость солнечным. Сама природа решила подыграть художественным планам Арсеньева. Апрельское небо, безмятежное и глубокое, обещало день, полный тепла и света.

Золотистые лучи пробивались сквозь кружевные занавески, расписывая узорами паркет в квартире Софьи.

«А может, ну его, этот этюд?» – мелькнуло сомнение, но любопытство и лёгкий аваниоризм взяли верх.

Она придирчиво разглядывала в зеркале свое отражение. Короткостриженные седые волосы (самая модная прическа сезона – пикси) открывали овал лица с выразительными чертами. Нет, не красавица, но вполне себе обаяшка для пограничного возраста. Софья выбрала легкую рубашку приглушенного бирюзового цвета – он так подходил к ее глазам, легкий шелковый шарф с абстрактным узором, зеленый пиджак и коричневые брюки из плотного хлопка.

Что же, муза готова вдохновлять!

Вооружившись корзинкой с пирогами, баночкой варенья, термосом и клетчатым пледом, Софья направилась к своей старенькой «Мазде», устало поблескивающей на солнце.

«Раз уж мне предстоит играть музу, то пусть художник останется хотя бы сытым и довольным. Накормлю этого Пикассо по-человечески. А то еще начнет рисовать кубизм от

голода, – рассуждала она, загружая провизию в машину. – Как говорил Сократ, голодное брюхо к живописи глухо... Хотя, кажется, это был не Сократ, а народная мудрость».

Арсеньев уже поджидал ее у «Волжских просторов» с рюкзаком за плечами и мольбертом в руке. Ветер трепал полы льняной рубашки и пытался наполнить воздухом «паруса» его широких брюк. Высокий, слегка сутулый, с длинными седыми волосами, частично собранными в небрежный хвост, Арсеньев напоминал постаревшего поэта-романтика. От него исходил легкий запах масляных красок и терпентина, смешанный с тонким ароматом дорогого парфюма – эта смесь была неотъемлемой частью его натуры.

– Доброе утро, Василий Иванович! – бодро поприветствовала Софья. – А вы, смотрю, готовы не только к этюдам и покорению водохранилища, но и к восхождению на Эверест.

Художник улыбнулся, по-джентльменски склонил голову, из-за чего прядь волос упала на лицо. Элегантным жестом он отбросил ее назад.

– Утро доброе, Софья Васильевна! Настоящий творец всегда готов к подвигам, и никакие высоты и глубины ему не страшны, особенно когда рядом столь вдохновляющая дама.

Его голос, негромкий, но глубокий, бархатистый, был приятен слуху Софьи. «Ох уж эти художники, – подумала она, – и на язычок остер!»

По дороге к водохранилищу Василий Иванович взялся за роль экскурсовода и с почти юношеским жаром рассказы-

вал о местных красотах, изредка поправляя очки длинными изящными пальцами. Софья вдруг поймала себя на мысли: никогда не смотрела на природу под таким углом. Привычный пейзаж средней полосы – березовые рощи, поля с перелесками, извилистые речные берега – все вокруг стало выглядеть иначе, панорамнее. Художник словно снял пелену с её глаз и поднял контрастность изображения, показал природу объемнее, глубже, живее.

– Ваша зелень на картинах, Василий Иванович, такая же натуральная, как эта, мелькающая за стеклом, – улыбнулась Софья, – не просто зелень, а целая вселенная оттенков. Я прежде не замечала, что молодая листва может быть такой... разговорчивой.

Арсеньев кивнул, расплывшись в улыбке:

– В этом и есть магия искусства, Софья Васильевна. Мы не просто видим – мы чувствуем цвет. Вы удивительно восприимчивы для...

Он запнулся, и Софья лукаво закончила за него:

– ... для бывшей учительницы русского языка и литературы? Но... как сказал бы мой любимый Чехов: «Учитель – это тот, кто делает сложные вещи простыми».

Наконец, они добрались до цели. Водохранилище раскинулось огромным зеркалом, отражая бескрайнее небо и облака, похожие на взбитый пух птицы. У самой воды шумели камыши, легкий ветерок уносил с собой их перешептывания. Воздух был наполнен запахами пробуждающейся при-

роды: сладковатым ароматом прошлогодней травы, терпким духом влажной земли и свежестью водной глади. Мелкая галька усыпала берег и приятно похрустывала под ногами. Вдали виднелись белые катера, а над водой кружили чайки, изредка пикируя вниз в поисках рыбы.

– Ну что, Василий Иванович, вы – за кисти, я – за пироги. Каждый при своем, – Софья расправила плечи, и солнце заиграло в складках ее яркого шелкового шарфа. – Кесарю – кесарево, а курице – просо. Пикник с меня!

Арсеньев рассмеялся, и его лицо преобразилось – морщинки вокруг глаз стали глубже, а взгляд засветился почти детской радостью.

– Вы неподражаемы, Софья Васильевна. Ваше чувство юмора заслуживает отдельного сборника. Я бы собрал в него все ваши остроты и издал бы его ограниченным тиражом. С моими иллюстрациями, разумеется.

– Только не рисуйте меня на обложке в образе карикатурной барышни в кружевах, – парировала Софья, разворачивая клетчатый плед. – Кружева мне не идут, а образ Коробочки из «Мертвых душ» я примерять не готова.

Софья заметила, как Арсеньев окинул ее фигуру профессиональным оценивающим взглядом, будто уже представил будущую иллюстрацию. Смутившись, она невольно пригладила волосы и выпрямилась.

Арсеньев развернул мольберт и принялся за работу. Его кисть порхала бабочкой над цветком, оставляя на полотне

яркие мазки. Движения уверенные, плавные, словно он не рисовал, а танцевал с холстом.

Софья раскинула плед под раскидистой ивой с апрельскими золотистыми сережками. Ветви покачивались в такт легкому бризу, отбрасывая на землю причудливые тени. Расположившись поудобнее, она с неподдельным интересом наблюдала за Василием Ивановичем. На его лице застыло выражение полного погружения в работу. Время от времени он замирал, прикусив губу, и долго всматривался вдаль. Кажется, художник полностью забыл про присутствие своей музы под ивой.

Муза прищурилась от солнечных лучей, пробивавшихся сквозь ветви, и вздохнула:

«Вот так всегда, кому-то краски и вдохновение, а кому-то загадки, от которых голова кругом. Ребусы судьбы».

Софья вытянула ноги, обутое в удобные мокасины... Вопреки всем треволнениям последних дней, она сейчас ощущала удивительное умиротворение.

На глади воды белыми корабликами покачивались чайки, оглашая окрестности своими криками. Время от времени, как по команде, они дружно взмывали вверх, описывали широкие круги и вновь опускались на воду, исполняя какой-то таинственный ритуал.

– Красота-то какая! – восхищенно воскликнула Софья, любясь пейзажем. – Как в фильме «А зори здесь тихие». Помните, Василий Иванович?

– Помню, конечно. Хороший фильм, – кивнул Арсеньев, не отрываясь от работы. – Первая экранизация, разумеется. С Мартыновым и красавицей Ольгой Остроумовой.

Он прищурился, отодвинулся от холста, оценивая нанесенные мазки, и не глядя на Софью, продолжил:

– Знаете, Софья Васильевна, у вас тот же типаж, как у Остроумовой. Такая же естественная красота и внутренняя сила.

– Вы опять пытаетесь заманить меня в коллекцию своих муз? – лёгкое волнение проскользнуло в ее привычной усмешке.

Софья понимала, что давно перешагнула порог молодости, но в глазах этого человека вдруг и правда ощутила себя привлекательной.

– А почему бы и нет? – Арсеньев перевел на нее взгляд поверх очков, и на лице отразилось любование творца, без тени фальши или дежурной галантности. – Так когда приступим к портрету? Может, завтра, Софья Васильевна?

Она сделала вид, что не расслышала, и поспешно занялась выкладыванием пирогов на салфетку. Вопрос про портрет был проигнорирован уже в третий раз.

Аромат свежей выпечки смешался с запахами природы, создавая восхитительный букет. Софья достала из корзины термос, разлила горячий напиток, стараясь не смотреть в сторону художника.

Затем она подошла к нему с чашкой отвара, заглянула че-

рез его плечо и не смогла удержаться от очередного комплимента:

– У вас отлично получается! Вы словно поймали душу этого места.

– Ваше присутствие вдохновляет, Софья. – Арсеньев и с благодарной улыбкой принял из ее рук чашку. – Приятный аромат.

– Это настой из сушеных ягод малины и листа смородины.

– Благодарю за заботу, Софьюшка, и за этот эликсир вдохновения, – он вернул ей пустую чашку. – А мне снова пора за кисть.

Он работал. Она стояла рядом. И это вызывало волнение.

Внезапно Софья поймала себя на том, что смотрит на воду с необъяснимой тоской и у нее щемит в груди. Тихий плеск волн, набегающих на берег, гипнотизировал и навевал воспоминания.

– А знаете, Василий Иванович... – едва слышно произнесла она, не веря, что выскажет это вслух, – глядя на всю окружающую нас красоту, я вдруг подумала, как сложилась моя жизнь...

Арсеньев оторвался от холста и отложил кисть и палитру, словно понял, что сейчас важнее не пейзаж, а человек перед ним.

– И о чем же вы подумали? – Он снял очки и протер их краем рубашки. Без очков его лицо казалось более открытым и уязвимым.

– О том, что у меня так и не было детей. – Софья обхватила себя руками, внезапно ощутив холод. – С мужем мы прожили много лет, но так и не смогли стать родителями.

Ветер слегка растрепал ее волосы, а на щеках проступил румянец – то ли от свежего воздуха, то ли от неожиданно-го откровения, которое вдруг захлестнуло ее. Она перевела грустный взгляд с воды на Василия Ивановича.

– И вы жалеете? – Арсеньев слегка наклонился к ее лицу, его глаза стали ближе и излучали искреннее сочувствие.

– Когда-то очень. – Софья пожала плечами, ее пальцы нервно теребили край шарфа. – Муж был, а вот ребенка не получилось. Как будто судьба решила посмеяться над нами.

– Сочувствую. Печально, Софья Васильевна, – в голосе художника прозвучали теплые нотки.

– Да, Василий Иванович, дети – это счастье! Но не всем оно дано. Врачи руками разводили... Я и в церкви свечки ставила, хотя атеисткой была... Не поверите, но я даже к бабкам ходила, думала, может, порча какая... Но все без толку! Как отрезало! – ее голос догнул.

Солнечные лучи играли на ее лице, то подчеркивая, то скрывая морщинки, словно пытались стереть следы прожитых лет.

– А потом я поняла, что это просто судьба такая, – продолжила она, всматриваясь вдаль, где небо сливалось с водой. – Кому-то все дается легко, а кому-то приходится бороться за каждый глоток счастья. Вот и я всю жизнь боролась... Воз-

можно, я чем-то прогневила бога, не знаю.

Арсеньев бережно взял Софью руку. Его пальцы были теплыми и сухими, с шершавыми мозолями от многолетней работы кистью.

– Не вините себя, Софья Васильевна, – сказал он мягко. – Что ни делается, все к лучшему. Может быть, вам просто не суждено было стать матерью, а бог уберег вас от того, что случилось с моей Тamarочкой...

– Может быть, – кивнула Софья, благодарно сжимая его руку. – Но все равно обидно. Ведь ребенок – это не только плод любви, это еще и продолжение жизни. А у меня этого продолжения не будет.

Она помолчала, глядя на мерцающую водную гладь, а потом добавила:

– Говорят, бесплодием бог наказывает...

Арсеньев грустно улыбнулся.

– Но вы же атеистка, Софья Васильевна! – возразил он мягко. – Все гораздо проще – физиология. Да и за что вас наказывать?!

– Ах, Василий Иванович! – Софья горько усмехнулась, и мелкие морщинки-лучики разбежались вокруг глаз. – Если порыться в душе каждого, то найдется за что. И я не исключение. Да и не атеистка я уже давно... наведываюсь в церковь и свечки ставлю. А дети все-таки – это дар божий.

Ветер усилился, и ива над их головами зашумела сильнее, соглашаясь с последними словами Софьи. Чайки закричали

пронзительнее, нарушая внезапно возникшую тишину между парой людей, стоявших на берегу, каждый со своими мыслями.

– Некоторые, наоборот, избегают от этого дара. – Василий Иванович тяжело вздохнул. – Вот, например, моя дочь...

Софья насторожилась, как гончая, почуявшая след. Ее внутренний детектив сделал стойку, а взгляд, обращенный на художника, стал пронизательным.

Помолчав немного, Арсеньев продолжил:

– Она... она в молодости наделала много ошибок. Ну... вы уже знаете... Травка, пьянки... – каждое слово давалось ему нелегко, словно выдавливалось из тюбика с засохшей краской. – В общем, жизнь у нее не сложилась. А потом она забеременела. Неизвестно от кого. Ей тогда был двадцать один год.

Софья превратилась в слух. Внимала. Впитывала. А мозг уже выстраивал пазл из полученной информации.

– И что же она сделала? – наконец спросила она, когда Василий Иванович на миг замер на краю невысказанного.

– Сначала захотела избавиться от плода, – слова Арсеньева тяжело падали в зависшую тишину, – но время было упущено, ей отказали в прерывании беременности. И она смирилась... А бабушка и дедушка с энтузиазмом начали закупать приданое для малыша. А потом, когда беременность достигла семи месяцев, она вдруг вбила себе в голову, что тоже

умрет при родах, как ее мать. И решилась на...

– На что? – Софью опять охватил холод, будто она только что нырнула в прорубь в крещенский мороз.

В этот момент птицы резко вспорхнули с воды, обостряя драматизм момента.

– Тогда ей кто-то подсказал про искусственные роды, – продолжил Арсеньев, а у Софьи мурашки поползли по спине. – Нашла какую-то бабку-повитуху и уговорила вызвать схватки. Бабка напоила ее травами, потом... проткнула что-то... – Арсеньев поморщился, как от зубной боли. – И через некоторое время, когда Рита была уже дома, начались мучительные боли. Ее увезли в роддом. Родилась недоношенная девочка.

Сердце Софьи сжалось. В воздухе повисла плотная тишина.

– И что стало с ребенком?

– Бедняжка выжила, – ответил Арсеньев тоном, каким обычно объявляют о чуде. – Но Маргарита сбежала из роддома на второй день, оставив крошку, как ненужную вещь.

– Ужас какой! – ахнула Софья и почувствовала, как онемели подушечки пальцев. – Неужели возможно так поступить со своим ребенком?!

– Да, ужас, – с болью в голосе произнес он, словно старая рана вновь начала кровоточить. – Она всегда была эгоисткой. Для меня этот кощунственный поступок стал второй причиной вычеркнуть ее из своей жизни, как неудачный эскиз.

Потрясенная услышанным, Софья смотрела на Арсеньева, не в силах заговорить.

Наконец, она собралась с духом.

– Василий Иванович, а вы не знаете, какая судьба постигла новорожденную и ту бабушку-повитуху с наклонностями средневекового палача?

– Понятия не имею! Да и знать не хочу, – твердо отрезал он и вновь взялся за кисть, закрыв этим тему.

Но затем, не в силах утаить последний кусочек пазла, добавил:

– Бабушке с дедушкой Маргарита заявила, что ребенок родился мертвым. И лишь спустя какое-то время стало известно, что девочку удочерили из дома малютки, куда ее перевели из роддома.

«Отправили как посылку без обратного адреса...» – прищурилась Софья, заметив стальные нотки в голосе Арсеньева.

Он явно не был расположен продолжать воспоминания и всем своим видом демонстрировал, что захлопнул дверь и повесил табличку «Вход воспрещен». Придется изменить тактику, чтобы разрядить атмосферу, застывшую вдруг, как желе в холодильнике.

– Простите, Василий Иванович, – промурлыкала она голосом, способным растопить льдины мужского сердца. – Давайте и правда насладимся текущим моментом. Кстати, не хотите ли отведать моего фирменного пирога с яблоками?

Уверяю вас, он достоин кисти любого живописца натюрмортов и вызвал бы зависть у самого Поля Сезанна.

Арсеньев улыбнулся, и напряжение растаяло, подобно утренним облакам над водой.

Софья устроила настоящее пиршество: румяный яблочный пирог с корочкой цвета закатного неба, благоухающее варенье из лепестков роз, бутерброды с сыром и зеленью, уложенные горкой по модели пирамиды Хеопса. Аромат свежей выпечки смешивался с запахом весенней травы и речной свежести, создавая симфонию для обоняния.

– Василий Иванович, прошу к столу, – с чарующей улыбкой пригласила она. – Пора подкрепиться, а то ваша муза может упасть в обморок от голода.

Художник отложил кисть и с любопытством прирожденного исследователя присел к импровизированному «столику».

Он откусил кусочек пирога, прикрыл глаза и в упоении не смог сдержать слов восхищения:

– Софья Васильевна, да вы не только красивая женщина, но и настоящий кулинар-волшебник! Это просто божественно! Такой нежный ваш пирог! С идеальным балансом сладости и кислинки. Французской шарлотке до него как до Луны на старом драндулете. Вы не перестаете меня удивлять своими талантами: чистой воды фокусница, вытаскиваете из шляпы все новых и новых кроликов. Софья, вы обязаны поделиться рецептом, иначе я буду страдать от мук неведения.

– О, это семейный секрет, – лукаво подмигнула Софья. – Передается из поколения в поколение, как драгоценная реликвия. Правда, мне передать некому, и поэтому для вас я сделаю исключение, если вы пообещаете хранить его как зеницу ока.

Они сидели на пледе рядом, наслаждались пирогом и панорамными видами.

– Знаете, Софья Васильевна, – произнес Василий Иванович, вглядываясь вдаль, – в такие моменты понимаешь, что жизнь прекрасна, несмотря на все ее сложности и загадки. Она как полотно, которое мы раскрашиваем сами: иногда делаем ошибки, но всегда создаем что-то уникальное.

– Да, вы правы, – кивнула Софья, с легкостью поймав его философское настроение. – Хотя иногда эти загадки зудят в мозгу, как комар над ухом в летнюю ночь... так и просятся быть разгаданными.

Они продолжили беседу, обсуждая жите и неожиданные повороты судьбы с увлеченностью двух путешественников, делящихся впечатлениями. Время летело незаметно.

Но Софья умудрялась вкушать блаженство и от пирога, и от пейзажа, и от приятной беседы, одновременно с этим обдумывая свой следующий тактический ход.

«Что же, – решила она, – если гора не идет к Магомету, придется Магомету идти к горе. Или в нашем случае – к таинственной Маргарите, этой блудной дочери с сердцем из льда».

Глядя на догорающий закат, расплескивающий по небу оранжевые и пурпурные краски, Софья думала, что пикник на обочине тайны оказался куда более плодотворным, чем она ожидала. Все-таки сладкое – лучший ключ к сердцу и языку человека... не зря же она где-то читала, что инквизиция пытала медовыми пирожными.

«Вот и солнце закатилось, и тайна вновь нас манит вдаль... – пришли в голову слова, как саундтрек к мыслям. – Главное, не спугнуть дичь. А то ведь художники – народ пугливый, как лесные олени. Чуть что, и спрячутся за своими холстами, выставив кисти как рога».

Итак, Маргарита Арсеньева родила девочку, а потом оставила ее в роддоме, словно ненужную вещь в ячейке камеры хранения – на случай, если вдруг захочется вернуться лет через двадцать пять за этим отяжелявшим путь грузом... Но кто был отцом ребенка? И кто удочерил малышку? Неужели Арсеньев не стремился разузнать? Если нет, то Софья готова поставить крест на своих симпатиях к художнику, как на безнадежном пациенте.

«Не может такого быть, чтобы этот умудренный жизненным опытом, такой весь правильный из себя мужчина, не заинтересовался судьбой внучки, – втихаря размышляла Софья, перебирая версии как четки. – Это все равно что написать картину и не поставить подпись».

Вдруг она звонко хлопнула себя по лбу, чем привела Василия Ивановича к изумлению.

«Емельянова-Сухорукова! Светлана Алексеевна! Это та удочеренная малышка! Все-таки моя первая гипотеза была верна и может потягаться достоверностью с теоремой Пифагора. Гены есть гены, и в этом случае они налицо, как отпечатки пальцев на месте преступления. А правда сейчас, похоже, куда ближе, чем казалось раньше, буквально под носом, как запах моего пирога...»

– Комары замучили, Софья Васильевна? – отреагировал Арсеньев на хлопок Софьи. – Да вроде еще не сезон для этих кровососов...

– Ах, если бы комары, Василий Иванович! – отмахнулась Софья с театральным вздохом. – Наверное, шершень. А его яд токсичен, вплоть до анафилактического шока... Природа, она такая – красива и смертельна одновременно, как и некоторые люди...

– Дайте-ка, я гляну на ваш лоб, не укусил ли кто, – Василий Иванович приблизился к Софье с заботливостью хирурга, осматривающего пациента, убрал прядь с ее лица, как занавес со сцены, склонился... и легонько поцеловал Софью в лоб, еле ощутимо, как бабочка касается цветка.

Это неожиданное проявление нежности застало Софью врасплох. Краска прилила к щекам, а сердце выбивало четку о ребра. Несмотря на возраст, она ощутила себя снова молодой, впервые познавшей волшебство поцелуя... пусть даже всего лишь в лоб...

«Впрочем, в лоб целуют покойников», – не смогла не съяз-

вить она даже в такой интимный для ее возраста момент.

– Василий Иванович, – тихо произнесла Софья... в ее голосе смешались удивление и тайное удовольствие, – что вы делаете?

Арсеньев мягко улыбнулся, а глаза осветились теплотой.

– Знаете, Софьюшка, возраст – это всего лишь цифра, выдуманная бюрократами для заполнения анкет. А душа... душа всегда молода и не знает о существовании календарей. И сейчас, глядя на вас в лучах заката, я вижу не просто умного и приятного собеседника. Я вижу удивительную женщину, полную жизни и загадок...

Профессиональная маска детектива начала медленно таять. Софья хотела что-то сказать, но слова застряли в горле косточкой от оливки.

В этот момент над водой пронесся порыв ветра, взъерошил их волосы и заставил вздрогнуть от прохлады, будто сама природа решила напомнить о своем присутствии.

– Пожалуй, нам пора возвращаться. – Арсенев помог Софье подняться с галантностью кавалера прошлого века. – Но я надеюсь, это не последний наш пикник. Моя душа требует продолжения этой симфонии.

Собирая вещи и вдвоем складывая плед, они оба чувствовали, что что-то изменилось. Невидимая нить протянулась между ними и связала их крепче, чем все тайны и загадки.

Возвращаясь в город, Софья размышляла, как странно переплетаются в ее жизни профессиональное и личное. И хо-

тя загадка Маргариты Арсеньевой и Светланы Сухоруковой все еще требовала решения, Софья, как феникс, возрождающийся из пепла, вдруг поняла, что обрела нечто большее – возможность нового начала, несмотря на обстоятельства и возраст. Возраст золотой осени, хотя на дворе расцвет весны...

Дела давно минувших лет

Понедельник встретил Софью не привычной тишиной выходного дня, а суетой офиса.

«Ну вот, опять пропал мой законный отдых, – подумала она, открывая дверь агентства. – Как говорил классик, понедельник – день тяжелый. Особенно когда он выходной».

На столе Анны в беспорядке лежал ворох документов. Она перебирала бумаги, мурлыча что-то себе под нос. Увидела начальницу и от неожиданности подскочила, как ошпаренная кошка, опрокинув стаканчик с остатками кофе.

– Софья Васильевна! – воскликнула Анна. – Вы же сегодня отдыхаете! Я вас и будить не стала. Вы так сладко спали после вчерашней прогулки на свежем воздухе, – Анна хитро подмигнула и растянула губы в улыбке заговорщицы.

– Поговори мне еще, красotka! – Софья почти по-матерински взглянула на Анну. – Ты бы еще журнал светских сплетен выпустила о моих воскресных променадах. Кстати, поездка оказалась весьма результативной, – она сделала многозначительную паузу, наслаждаясь тем, как вытянулось лицо любопытной помощницы. – Отдых – это миф, придуманный для тех, кто не умеет работать. Что у нас на повестке дня?

Анна, разочарованная отсутствием пикантных подробностей, переключилась на рабочий режим, хотя ее взгляд вы-

давал бурлящее внутри любопытство.

– К десяти должна прийти клиентка Зотова, – с серьезностью секретаря спецслужб отрапортовала она. – А еще кофемашина опять барахлит. У неё мигрень, переходящая в анафилактический шок: то работает, то выплёвывает кофе прямо на столешницу. Может, пора новую купить?

Софья глубоко вздохнула – придется нырнуть на самое дно проблем малого бизнеса. «Вот она, главная загадка нашего офиса – почему техника всегда ломается в самый неподходящий момент? И почему именно в понедельник, который должен быть выходным?»

– А ты пробовала хотя бы раз в неделю чистить ее? – Софья сняла плащ и уселась за свой рабочий стол. – Это тебе не одноразовая посуда на выброс. Техника требует ухода, внимания и любви.

– Любви? – Анна недоуменно посмотрела на кофемашину, будто ей предложили поцеловать жабу. – Я пыталась с ней договориться, честно! Даже песенки ей напевала, когда никого не было.

– И что, помогло? – Софья не удержалась от улыбки.

– Она стала плевать реже, но с большей силой, – сокрушенно призналась помощница.

– Займись этой строптивой дамой. Почисти фильтры, промой трубки, объясни ей, что от ее поведения зависит наше настроение, а значит, и ее дальнейшая судьба. А я пока готовлюсь к встрече с Зотовой.

– Может быть, ей нужен психолог? – Анна с опаской поглядывала на кофемашину. – Или экзорцист?

– Какие словечки, Анна! Эрудит, однако! Для начала попробуй изучить инструкцию по эксплуатации, – Софья достала папку с делом Зотовой. – Ты же помнишь, что было, когда мы обращались к мастеру в прошлый раз?

– Как забыть! – девушка закатила глаза. – Он сказал, что наша кофемашина просто страдает от одиночества и ей нужна пара – эспрессо-аппарат. И выставил счет за психологический анализ бытовой техники!

– Ты забыла главное: сколько грязи он вынул из внутренностей нашей шайтан-машины.

* * *

Ровно в десять дверь офиса открылась с мелодичным звонком колокольчика. На пороге появилась Вера Петровна Зотова – элегантная дама неопределенных лет. В отличие от первого раза, вошла она с надменным видом, как не в детективное агентство, занимающееся преимущественно супружескими изменами и пропавшими родственниками, а в дорогой бутик, где ей сейчас же предложат лучшие образцы коллекции.

Анна все еще возилась с кофемашиной, но мгновенно выпрямилась и натянула на лицо профессиональную улыбку. Софья отметила, что молодая помощница старается копировать её собственную манеру общения с клиентами – холодновато-вежливую, с легким оттенком превосходства. Полу-

чалось у Анны плохо, но она старалась, насколько могла, в силу своего юного возраста.

– Добрый день, Софья Васильевна, – поздоровалась Зотова, присаживаясь напротив детектива.

Аромат её духов, слишком дорогих для утреннего визита, заполнил пространство офиса.

– Здравствуйте, Вера Петровна, – кивнула Софья. – Вы точны, как швейцарские часы. Это редкое качество в наши дни.

– Пунктуальность – вежливость королей, – клиентка едва заметно улыбнулась.

– И детективов, – подхватила Софья. – Вот результаты нашего расследования.

Она с важным видом протянула клиентке пухлый конверт с фотографиями. Да, Софья Васильевна умела преподнести вещдоки так, будто они были секретными сведениями государственной значимости.

Зотова бегло просмотрела снимки, и лицо ее расслабилось, словно кто-то отпустил натянутые арматурные золотые нити, вшитые пластическим хирургом.

«Ага, кажется, наша ревнивица успокоилась. Теперь можно и блефануть немного. В конце концов, хороший детектив – наполовину актер, наполовину психолог, и лишь на четверть собиратель фактов. Стоп, это уже получается больше одного целого... Ну, математика никогда не была моей сильной стороной», – усмехнулась Софья.

– Женщина на фотографиях – Арсеньева Маргарита Васильевна, москвичка, – Софья Васильяна следила за реакцией клиентки, как ястреб за полевой мышью. – Знакома с вашим мужем давно, но отношения, похоже, исключительно деловые. Общий бизнес в столице во времена, когда ваш супруг проживал там.

Да, Софья блефовала. Ничего о прежних связях Зотова с Маргаритой ей пока не было известно, но... иногда интуиция и умение досочинять приводят к истине быстрее, чем документы и допросы свидетелей.

Краем глаза Софья заметила, как уши Анны превратились в локаторы, настроенные на частоту разговора. Софья мысленно отметила: «Надо будет объяснить ей, что настоящий детектив умеет подслушивать незаметно. Первое правило шпиона – не выглядеть как шпион».

– Возможно, она приезжала по поводу возобновления партнерства, – Софья откинулась в кресле с видом, будто знает гораздо больше, чем говорит. – Точный её адрес в Москве пока не установлен, наш сотрудник сейчас находится там и занимается этим вплотную.

Она сделала паузу, позволяя клиентке переварить информацию.

– Если вам нужны эти детали, потребуется еще два дня.

Вместо того чтобы расслабиться окончательно, Вера Петровна занервничала, теребя ручку своей сумки Louis Vuitton так энергично, будто собиралась оторвать ее.

– В Москве? По делу партнерства? Ой, спасибо, Софья Васильевна, – в ее голосе прозвучали нотки, которые опытный слух детектива сразу распознал как фальшивое облегчение. – Кажется, мои подозрения были напрасны. Не тот человек мой муж, чтобы увлечься пятидесятилетней женщиной... – Вера Петровна усмехнулась, – Да еще и с такой непрезентабельной внешностью. Скорее всего, что-то по недвижимости, московской вторичке – супруг иногда ищет ее для некоторых приславских клиентов. Можно считать вашу миссию выполненной. Я уже пожалела, что ввязалась в это дело.

Софья едва сдержала улыбку, отметив, как отчаянно клиентка цепляется за спасительную версию о деловых отношениях. Ох уж эти ревнивые жены! Готовы верить в любую чушь, лишь бы не признавать очевидное. Мужчины, конечно, не лучше – у них просто другие отговорки. А может быть, клиентка испугалась, что Данилин сможет нарыть что-то опасное из прошлого Зотова, и потому так взволновалась?

Анна неожиданно чихнула и принялась перебирать бумаги с еще большим усердием, так что несколько листов спланировали на пол. Под пристальным взглядом Софьи она покраснела, наклонилась за документами, стараясь не произвести шума, что, конечно же, привело к прямо противоположному результату. Поскользнувшись на ранее разлитом кофе, девушка не удержала равновесия и... свалилась на пол.

Хорошо, что Зотова сидела спиной к дальнему столу Анны и не видела этот конфуз.

– Рада, что мы смогли развеять ваши сомнения, – Софья переключила внимание клиентки на себя. – Если московский адрес Арсеньевой вас не интересует, мы можем пересчитать стоимость наших услуг и вернуть часть вознаграждения.

– Что вы, не стоит! – замахала руками Вера Петровна – Я полностью удовлетворена вашей работой. Тем более, у вас возникли расходы на поездку сотрудника в столицу. Все-таки Москва – дело затратное. Считайте это моей благодарностью за... – она на мгновение задумалась, – за профессионализм.

Когда за клиенткой закрылась дверь, Софья задумчиво посмотрела в окно на серое небо, обещавшее дождь. «Что ж, еще одна семейная драма не состоялась. По крайней мере, пока. Но почему-то мне кажется, что это не конец. Скорее, антракт перед следующим действием».

– Анна, – позвала она помощницу, пытавшуюся незаметно подтереть пролитый во время акробатических этюдов кофе. – Свяжись-ка с нашим московским путешественником. И, кстати, прежде, чем подслушивать конфиденциальные разговоры с клиентами, научись делать это профессионально. Я чуть не рассмеялась, когда ты так старательно изображала сортировщицу бумаг.

– Не подслушивала я! – возмутилась Анна с искрен-

ним негодованием. – Просто случайно услышала некоторые фрагменты вашей беседы.

Софья изумленно подняла брови в ответ на подобную дерзость помощницы.

– Разумеется, – кивнула она с иронической улыбкой. – А потом случайно уронила бумаги, чтобы случайно услышать еще немного?

Анна виновато опустила голову.

– Мне очень интересно учиться у вас, Софья Васильевна. Я хочу стать таким же профессионалом, как вы.

– Для начала научись правильно обращаться с кофемашиной, – хмыкнула Софья. – А потом уже поговорим о тонкостях детективного мастерства. Летом отправим тебя в университет на вступительные экзамены. Будешь на юриста учиться.

Налив себе чая вместо кофе, Софья размышляла о прератностях человеческих отношений и о том, как люди умудряются строить из своей жизни запутанные лабиринты.

* * *

Москва встретила Александра Данилина промозглым ветром и морозящим дождем. Столица решила напомнить провинциальному гостю о своем переменчивом характере. Капли влаги оседали на воротнике куртки, пока он, щурясь от сырости, разглядывал неприметное серое здание, затерянное среди типовых построек. Здесь, вдали от любопытных глаз, его ждал старый друг и коллега Валерий Кишев – че-

ловек въедливый, знающий о тайнах столичного криминального мира больше, чем иной следователь с тридцатилетним стажем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.